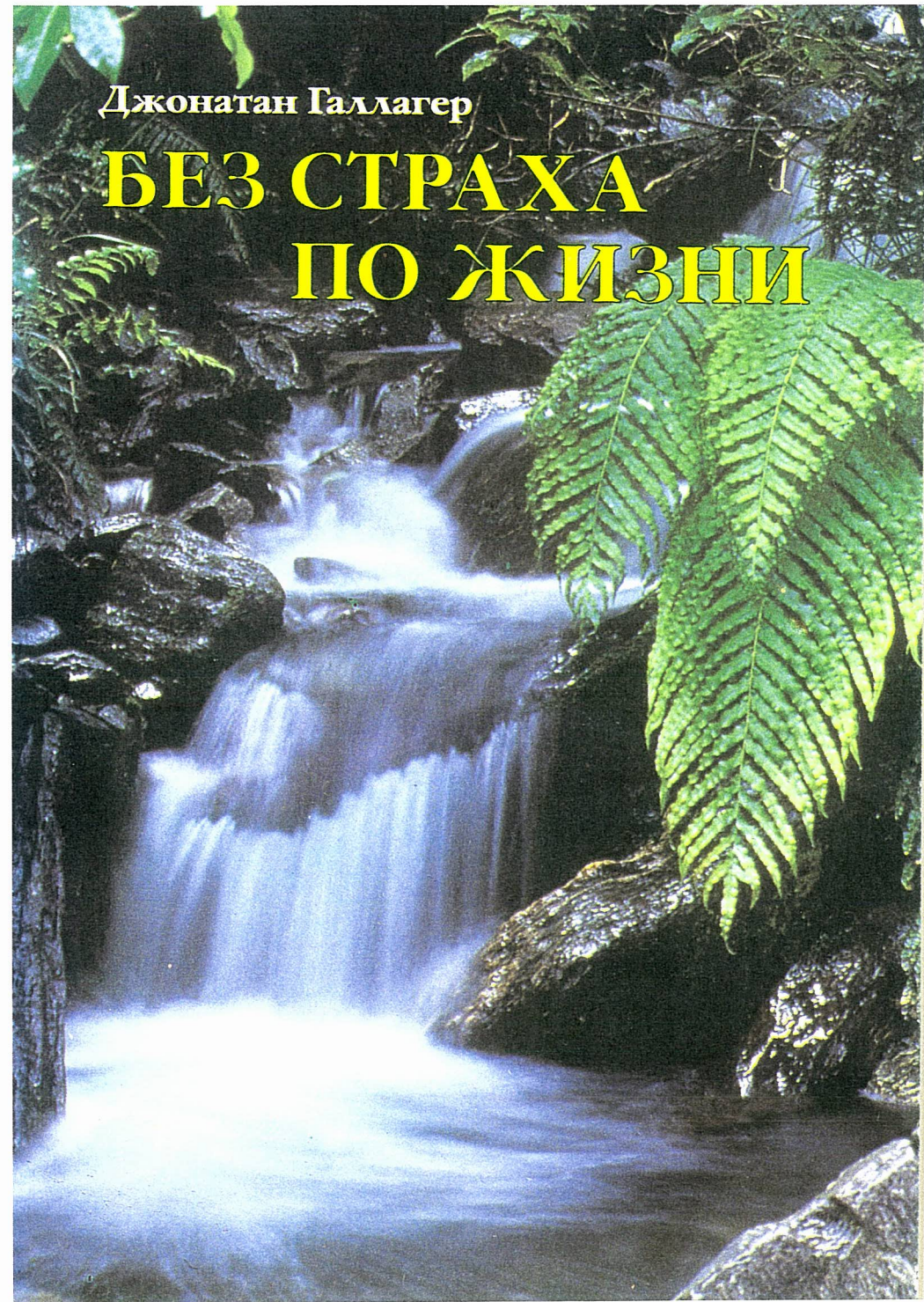

Джонатан Галлагер

БЕЗ СТРАХА ПО ЖИЗНИ

Джонатан Галлагер

БЕЗ
СТРАХА
ПО
ЖИЗНИ

Издательство
«Источник жизни»
Заокский, 1993

ББК 86.376
Г 16

Перевод с английского

J. Gallagher. Fear not? Why not?— Lincolnshire, England:
The Stanborough Press Limited, 1988

«И часто долгой-долгой ночью,
Проснувшись, когда рядом никого нет,
Я ощущаю, как сердце мое встревоженно бьется от страха,
Но не знаю, чего я боюсь.

Кристина Розетти, «Холодок сердца»

«Мир оставляю вам, мир Мой даю вам...
Да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

Ин. 14:27

Галлагер Д.

Г 16 Без страха по жизни: Пер. с англ. — Заокский: «Источник жизни»,
1993. — 96 с.

ISBN 5-86847-014-1.

Говорят, все дело в страхе. Страх перед неизвестным, страх перед сверхъестественным. *Страх перед Богом.* А вам обязательно *надо* бояться Бога? Он что, тиран? Угрожает адovým огнем, если вы что-то не так сделаете? Преследует своих врагов? А может, христиане на протяжении веков неправильно представляли Бога?

Ярко и образно д-р Джонатан Галлагер открывает нам Бога из Библии. Бога, Который стоит того, чтобы Его знали, и Которому надо доверять.

ББК 86.376

ISBN 5-86847-014-1 (Россия)

ISBN 0-904748-51-0 (Великобритания)

© Jonathan Gallagher, 1988
© Перевод на русский язык.
Издательство «Источник жизни»
Церкви христиан-адвентистов
седьмого дня, 1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
СТРАХ — ЭТО УЖАСНОЕ ЧУВСТВО	7
Глава вторая	
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СТРАХ «КЛЮЧОМ»?	13
Глава третья	
УЖАС БОЖИЙ	21
Глава четвертая	
НЕ БОЙТЕСЬ	29
Глава пятая	
ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БОГА: НЕ БОЙТЕСЬ	37
Глава шестая	
НЕ БОЯТЬСЯ? А ПОЧЕМУ?	45
Глава седьмая	
ИНОГДА БОГ ВЫНУЖДЕН КРИЧАТЬ	53
Глава восьмая	
ЧТО ЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ О СТРАХЕ ПЕРЕД БОГОМ?	63
Глава девятая	
СУД: ВИДЕНИЯ, НАВОДЯЩИЕ УЖАС	71
Глава десятая	
СОВЕРШЕННАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ РАБСТВО, ОСНОВАННОЕ НА СТРАХЕ?	81
Глава одиннадцатая	
ДРУЗЬЯ БОГА	89
ПРИМЕЧАНИЯ	95

«Я стенаю в горести моей, и смущаюсь от
голоса врага, от притеснения нечестивого;
ибо они взводят на меня беззаконие, и в гне-
ве враждуют против меня. Сердце мое
трепещет во мне, и смертные ужасы напали
на меня».

Пс. 54:3—6

Глава первая

СТРАХ — ЭТО УЖАСНОЕ ЧУВСТВО

Сердце колотится... дрожат колени... озноб охватывает все тело.

Кровяное давление подскакивает вверх. По спине пробегает холодок. Глаза расширены, зрачки застыли.

Содержание адреналина в крови угрожающе повышается. Дыхание учащается; ладони предательски влажнеют.

Хочется убежать, хочется спрятаться, хочется драться. Непередаваемое ощущение: вам не терпится, чтобы это **ПРЕКРАТИЛОСЬ!**

Что же происходит? Здесь нет никакой головоломной загадки:

Я ИСПУГАН!

Страх — это мучительное чувство. Непереносимая, известная всем эмоция. Непроизвольная реакция на опасность и угрозу, на нападение извне. Каждый испытывал страх, ощущал сопутствующий ему ужас, содрогался при мысли о том, что это состояние вернется.

Страх — это вездесущее проклятие, отраженное в душевных болезнях; это разрастающаяся эпидемия, в которой, как в зеркале, отражается наше тревожное время. Инстинктивное опасение за жизнь и за будущее, заставляющее нас тянуться к таблеткам, микстурам или к бутылке виски в тщетных поисках внутреннего покоя. Но страх невозможно утопить в море наркотиков и ал-

коголя, он возвращается вместе с похмельем, от которого мучительно раскалывается голова...

Страх — это полная растерянность перед просторами бытия, которая может привести даже к сознательному прекращению жизни. Самоубийство... Для некоторых людей оно — единственный способ избавиться от гнетущих мыслей. Скольким же людям предстоит обнаружить, что в этом году страх одержит победу?

Итак, что же мы можем сказать о гнездящихся в нашем подсознании страхах? Действительно ли они необходимы нашей природе? Что происходит, когда мы испуганы? Как мы решаем проблему волнений и тревог, сопровождающих нашу беспокойную жизнь? Почему мы боимся и чего? Вопросы, вопросы!..

Я обратился к психологическому словарю. И обнаружил двести тринадцать различных видов страха, или *фобий*, как предпочитают их называть специалисты. Двести тринадцать разнообразных «производителей страха», охватывающих почти все мыслимые области жизни. Фактически как только специалисты обнаруживают человека, который испытывает опасение перед новым объектом или ситуацией, они просто придумывают для этого явления термин и пополняют им список!

Среди них есть хорошо известные: страх перед пространством — открытым (агорафобия) или замкнутым (клаустрофобия); страх перед пауками (арахнофобия). А есть и очень необычные, такие, как страх перед вставанием или даже перед именами! Существует также страх перед гравитацией (меня бы куда больше встревожило **отсутствие** гравитации!); перед необходимостью писать и вообще перед любой работой — им наверняка охвачено большинство из нас!

А некоторые несчастные страдают от панофобии — страха перед всем! Но несмотря на причудливость, странность этих фобий, которые, возможно, заставляют вас улыбаться, подобные страхи вполне реальны. И беднягам, страдающим от них, вовсе не до смеха. Ведь если вы испытываете какой-либо страх, который калечит жизнь, то вы отчаянно цепляетесь за любую соломинку, чтобы найти выход из этого кошмара.

Но одна из фобий в этом бесконечном перечне заслуживает особого внимания: *теофобия* — страх перед Богом. Трепет и ужас перед Ним.

Страх лишает нашу жизнь покоя, доверия и безмятежности, внося в нее одиночество, неустроенность и отчаяние. Более того, страх может превратиться в безумный и парализующий разум ужас — самое кошмарное, навевающее жуть ощущение.

Страх — это *сокрушительное* чувство. Ну, а как быть с Богом? Как мы относимся к Нему? Как мы изображаем Его? И — самое главное — боимся ли мы Его?

Вот в чем вопрос!

«Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет, и потряс все кости мои».

«На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком? Вздохи мои предупреждают хлеб мой, и стоны мои льются, как вода. Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье».

Иов. 4:13, 14; 3:23—26

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ СТРАХ «КЛЮЧОМ»?

Дрозд в страхе пронесется через сад, спасаясь от подкрадывающейся кошки. Кошка, в свою очередь, сузив от страха глаза, шипит на рычащую собаку. Собака же поджимает хвост, съеживается, взвизгивая и подвывая, в страхе перед жестоким зверем — человеком с большой палкой.

А мы сами? «Страх — ключик ко всему» — так гласит поговорка. Этим предполагается, что страх — ключ к пониманию любых человеческих ситуаций. Ключ, который позволяет проверить то, как мы относимся (в таком паническом состоянии) к окружающему. Ключ к пониманию, почему мы именно так действуем в определенных ситуациях, почему мы именно так мыслим; почему, во что и как мы верим. И — что в данном случае является наиболее важным — ключ, позволяющий понять, как мы воспринимаем Бога.

Ибо страх возникает часто бессознательно и беспричинно, терзая гнетущей неуверенностью, холодящей кровь тревогой. Это зловещий призрак, чудовище, поднявшееся из пучины, неведомая, сверхъестественная сила, не поддающаяся объяснению. Панический ужас ломает психику, бросает человека в крайности, вызывает отвращение к жизни, желание уйти, спрятаться или найти в ком-то опору.

Почему? С таким же основанием вы можете спросить своего испуганного ребенка, почему он прячется под одеялом. Почему

просит не выключать свет? Почему вы должны оставаться в его комнате до тех пор, пока он не уснет? Где-то внутри нас живут эти глубинные детские, не поддающиеся определению страхи перед тем таинственным, необъяснимым, что «внезапно приходит по ночам».

Вот почему таким успехом пользуются фильмы ужасов и рассказы о привидениях. Потому что в глубине души в каждом человеке живет естественный ужас перед чем-то *неведомым*. В кино ощущение опасности еще больше усиливает жуткая музыка: пронзительный голос скрипок надывается вновь и вновь, по мере того как зловеще приближается неожиданно возникший незнакомец; или когда, скрипя, приподнимается крышка гроба; когда медленно поворачивается дверная ручка... Подобно мокрой, дрожащей мышце, мы в ужасе, но мучительно, словно постыдную потребность, ожидаем появления самого сокровенного, леденящего душу кошмара.

Во время школьной экскурсии во Францию шестерым из нас пришлось разместиться в одном спальном купе. Было поздно, и в тусклом, призрачном свете ночника все выглядело неестественно оранжевым. На нижней койке Стив начал вслух читать о человеке, захваченном неким дьявольским маньяком; о невыразимых мучениях, которые ожидали его в замке Ужаса. Разворачивающееся действие захватило нас чудовищным нагнетанием опасностей.

Мало кто спал той ночью — все со страхом представляли, что могло бы случиться с нами в подобной ситуации. А когда наступил долгожданный рассвет, мы, разговорившись, выяснили, что самым гнетущим для нас было **неведомое**; страх перед чем-то таким, что находится на самой границе разума; перед тем, что наводит ужас, но не поддается здравому смыслу.

Как-то раз один из моих приятелей, путешествуя, оказался в глухом районе Мексики. Он остановился в гостинице для людей «среднего достатка» и однажды утром проснулся еще до рассвета. Почему-то не спалось, и он решил подняться и сразу отправиться в путь. Опустив ноги с постели, он встал. Крик, последовавший за этим, чуть не разбудил всю гостиницу: «Похоже было, будто я ступил в блюдо с кукурузными

хлопьями: хруп, хруп!» Волосы встали дыбом, и он ошарашенно пытался понять, что происходит. Может быть, он все еще спит? И что хрустит под его ногами? Что бы это ни было, оно двигалось! Хрустящий пол шевелился вокруг его ног и кусался. О-о!

Завопив во всю мочь, он стал прыгать с ноги на ногу, танцуя на хрустящем, хлопьящем, жалящем полу, пока, наконец, не добрался до кровати, где и обрел, наконец, пристанище. Нервничая, он зажег свет и тут понял, что «пол из кукурузных хлопьев» был ничем иным, как толстым слоем муравьев, которые ползали по всей комнате. Ему, оказавшемуся, словно в западне, пришлось дожидаться прихода хозяина гостиницы, который и выручил его, высыпав ведро ДДТ на «захватчиков».

Сейчас мой приятель смеется над нелепым «танцем мексиканского муравья», который он исполнил тогда перед не самой благодарной аудиторией. Но в то время, по его признанию, он был до смерти напуган. А разве неведомый страх не охватил бы и вас в 4 часа утра, если бы случилось ступить на кусающийся и шевелящийся пол?

Итак, о страхе — перед необъяснимым, перед неожиданным. Это может быть и страх перед болью, мучениями, ранением или смертью.

Нам больше нравится считать себя рационально мыслящими существами с ясной головой, но слишком уж часто мы демонстрируем, насколько иллюзорным оказывается, в сущности, наше хваленое хладнокровие.

Надо отметить, что из всех страхов наиболее «страшными» являются те, которым невозможно найти определения. Ощущение необъяснимого, неотвратимого ужаса.

Именно здесь, в этих не поддающихся разумному объяснению ночных кошмарах; в возможности заболеть жуткой болезнью, в неосознанной тревоге за жизнь и за будущее, Тот Бог, в Которого вы верите, и должен дать ответ. Каким бы ни был этот «бог», включая все популярные версии, — деньги, науку или даже атеизм, то есть бога «безбожия». Какого бы конкретного «бога» вы ни избрали для того, чтобы заполнить этот «предназначенный для бога вакуум» в своей жизни.

Вот здесь и терпят крах большинство из «богов, созданных нашей жизнью». Они не в состоянии разрешить те насущные и неотступные, «проклятые» вопросы, которые обязательно ставит перед нами жизнь.

Тогда давайте на миг представим себе запредельного вечного Бога Вседержителя с большой буквы. Такой Бог с Его безграничными возможностями, безусловно, дает больше ответов.

И все же, Бог есть Бог. Он намного могущественнее нас; Он столь высок, столь недостижим и непознаваем; Он до такой степени удивителен и отличен от нас, что даже Бог может стать объектом страха, и страха всеохватывающего!

Итак, как же быть с «идеями о Боге»? Является ли страх прочной основой, на которой строятся ваши взаимоотношения с Ним? Если вы боитесь кого-то, каким образом боязнь влияет на ваши отношения с этими людьми? И, самое главное, что этот страх делает с вами? Ведь вряд ли он может служить причиной для дружбы!

Но если это верно, то как же быть с библейским повелением: «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу»? Насколько отличается этот Бог (с большой буквы) от всех других божеств древности (с маленькой буквы), которые повелевали бурями, землетрясениями и урожаем? Занимает ли страх центральное место и в этих отношениях?

Ведь известно, что он является одним из наиболее существенных, формирующих нас факторов — от ужаса перед ядерными бомбами и перед раком легких до испуга перед мальчишкой-хулиганом, жившим на вашей улице, когда вы были ребенком.

Моего детского врага звали Гордон. Я прекрасно помню его. Он всегда беспричинно задибался, вызывая меня на драку. Гордон постоянно насмехался, угрожая самыми разнообразными мучениями (ему прекрасно подошла бы роль эсэсовского следователя). Каждое утро мне приходилось встречаться с этим исчадием ада, не зная, ударит ли он по лицу или отберет учебники, или забросает меня камнями. Но и пинки, и ссадины были пустяками по сравнению с ужасным, давящим грузом — страхом, который я испытывал в течение всего дня и который целиком заполнял сны и в результате превратил всю мою жизнь в проклятие.

Наши страхи могут принимать самые неожиданные формы. Разные люди опасаются разных вещей. Иногда мы испытываем страх перед совершенно безобидными существами, такими, как пауки или мыши. Но ключевые «жизненные вопросы» рожают страхи, знакомые *каждому*: боязнь того, что ожидает нас в бу-

дущем, боязнь самой смерти, а в результате боязнь Того, Кто представляет Собой Бога (если мы осознанно Его принимаем). Мы обладаем различием того, что верно, а что неверно, и знаем, что нам предстоит держать ответ за выбор правого и неправого пути на некоем Суде. Мысль о неизбежной встрече «со своим Творцом» приходит в голову всем людям. И мы, в некотором смысле, *испытываем опасение* за результат этой встречи.

Понятно ли нам, что мы всего-навсего запуганные дети, плачущие в темноте, отчаянно страшась конца и цепляющиеся за любую соломинку, которая может спасти нас от опустошающей неизвестности?

Мне вспоминается еще одна сцена моего детства. Наша кошка вернулась с одной из охотничьих прогулок, держа в зубах крошечную живую полевую мышь. Играя со своей жертвой на кухонном полу, кошка не причиняла ей никакого вреда, она просто перебрасывала мышь с лапы на лапу, внимательно наблюдая за тем, как бедняжка мечется из стороны в сторону, безуспешно пытаясь спастись. Прежде чем я успел вмешаться, мышь просто упала замертво. Она в буквальном смысле слова **умерла от страха**. Страх доходит иногда до таких пределов, что жизнь становится невозможной.

Являемся ли и мы заложниками в руках «легкомысленного» Бога, испуганными мышами, зависящими от каприза некоей «божественной Кошки»? Должны ли мы служить этому высшему существу из страха? Верно ли, что лишь угроза божественного наказания способна удерживать нас от грехов? И, наконец, способны ли мы еще на что-нибудь, *кроме* страха перед могучей и непознаваемой природой Творца?

В момент самых глубоких, самых интимных и напряженных духовных размышлений является ли все же страх «ключом» в наших взаимоотношениях с Богом?

«Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и, увидев то, народ отступил, и стал вдали. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть».

Исх. 20:18, 19

«Когда подумаю: «утешит меня постель моя, унесет горесть мою ложе мое», Ты страшишь меня снами, и видениями пугаешь меня».

Иов. 7:13, 14

«Не будь страшен для меня, Ты (Господи)».

Иер. 17:17

Глава третья

УЖАС БОЖИЙ

Может быть, Он действительно существует для того, чтобы держать нас в страхе? Многие приходили к этому выводу. Например, по словам Оскара Уайльда, основополагающим является «ужас Божий, в котором вся тайна религии». **Ужас Божий**: выражение, ясно подтверждающее мысль, что *причина* религии и ее *важность* заключаются в этом непреодолимом и приводящем в оцепенение страхе перед тем, Каков Он, и перед тем, что Он может нам сделать в наказание за грехи. Очень часто складывается впечатление, что Уайльд был прав. Сущностью религиозного послушания является страх.

Бог — «небесное пугало», а мы — «птицы»!

В некоторых случаях «пугающий бог» бывал даже очень полезным. Некоторые правители думали: если верующих можно научить бояться некоего духовного «Господа», тогда то же самое очень легко перенести в область социального, в отношении к царям. Таким образом ставится знак равенства между Господом духовным и господином мирским.

Представьте себе, с каким искушением вы сталкиваетесь, если вы — правитель какого-то города, страны или империи. Бог, в Которого верите вы и ваши подданные, — это сверхъестественное Существо, вызывающее трепет. Он требует беспрекословного послушания. Он безжалостен к своим врагам. И, безусловно, этот ваш Бог всегда «на стороне больших батальонов». И так,

покровительствующий вам Бог становится авторитетом, заставляющим подданных бояться вас точно так же, как Бога!

Сколь опасен подобный страх перед Богом! Нет ничего удивительного в том, что атеисты отвергают именно этого, наводящего ужас Бога. Устрашающие картины ужасных небесных сил не только принижают Образ Самого Бога и наше искреннее поклонение, веру, молитву, но и ставят печать божественного одобрения на акты высшей бесчеловечности.

«Страх является основным источником суеверия и одним из основных источников жестокости», — сказал Бертран Рассел. И, безусловно, так оно и есть. Подобные учения использовались и используются для того, чтобы держать людей в рабском невежестве — на положении покорной массы, живущей под угрозой божественного неудовольствия, которое может обрушиться в случае неповиновения, и под угрозой более непосредственного наказания со стороны правительственных и Богом данных авторитетов.

Король и архиепископ, царь и патриарх, император и папа: союз интересов, подменивших Бога любви зловецим Богом устрашения. Церковный авторитет и доктрина были призваны поддерживать идею «божественного права» монарха на правление. Подобно «деспотичному Богу», правитель волен был поступать по собственному разумению и зачастую использовал самое примитивное заигрывание с церковью в своих личных целях. Монарх постоянно оказывал церкви корыстную поддержку: незаменимое средство, когда приходится иметь дело с нарушителями спокойствия!

Подобные взгляды представляли Бога враждебным, слепо исполняющим пожелания и прихоти земных церковных руководителей. Бог был внушающим трепет и вызывающим ужас Господом, карающим мятежников.

Природа Бога, в Которого вы верите, всегда оказывает огромное воздействие на ваши поступки. Возьмем *конкистадоров*, опустошивших Южную и Центральную Америку. Хотя основным их мотивом была алчность, многие все же полагали, что выполняют волю Божью, обращая язычников инков и ацтеков к истинной вере. А поскольку в их глазах Бог был могучей, неумолимой Сущностью, прибегавшей к насилию, это служило им оправданием. Обращение грубой силой! Обращение к «добру» с использованием далеко не самых мягких методов

«убеждения». В результате правление церкви было установлено, однако ценой колоссального числа загубленных человеческих жизней. Но уж, по крайней мере, те, кто выжил, теперь были «христианами»!

В чем же состоит метод подобного «обращения»? В словах: «Обратись к Богу, или мы убьем тебя»? Или это Он говорит то же самое: «Повинуйся, или Я уничтожу тебя»? Достаточно ли только ритуалов, обрядов и церемоний? Через это ли достигается спасение?

Константин, например, провел свое войско через реку, а затем объявил воинам, что теперь они стали христианами, поскольку приняли крещение!

А вот история, которая произошла в Исландии. Короля Норвегии, истинного христианина, весьма заботили исландские язычники (большинство из них были выходцами из Норвегии). Они придерживались варварского образа жизни, поклонялись Тору и Одину и многим другим скандинавским богам. (Следует заметить, некоторые из их обычаев были весьма отвратительными: например, людям ломали спины, принося их в жертву богу войны). Поэтому около 1000 г. н. э. король послал миссионеров для обращения жителей Исландии. Одного из них звали Тангбрандом. Он приехал и начал ревностно проповедовать Евангелие. Некий человек яростно выступал против него. Тангбранд вызвал его на дуэль и убил. После подобных мер эта евангельская работа пошла с куда большим успехом!

Или давайте обратимся к тем, кто «отклонился» от истинной веры. К еретикам, раскольникам и отступникам. Как обращались с ними? И здесь праведные лидеры, воспринимающие Бога как бога страха и насилия, придерживались подобного подхода.

Инквизиция жгла и жестоко пытала «еретиков», веря в то, что делает богоугодное дело, возвращая заблудших овец в стадо любыми средствами, включая мучения и смерть. Ибо что значило тело, если вы могли спасти душу? Поэтому они и пытались через устрашения вернуть людей к истинному Богу — такому, как *они* Его понимали. К Богу, которого удовлетворяет насильственное послушание через страх и ужасную боль, ибо Он, по их мнению, использовал бы такие же методы. «Страх — отец жестокости», — сказал Фрейд, а божественный страх — отец демонической жестокости.

Физическое мучение, конечно, не всегда является необходимым.. Можно ограничиться просто угрозой его применения, чтобы получить такой же результат. Особенно, если мучителем объявить Бога, наказание Которого невероятно болезненно и длится вечно... Характерные для многих церквей проповеди, рассказывающие об адском огне, безусловно, оказали сильнейшее воздействие на людей! Многие искренние проповедники с большим эффектом применяли эту ужасную доктрину — но какой ценой для Образа Божьего? На каждого, в страхе поклоняющегося разъяренному и свирепому Богу, приходилось множество людей, отвернувшихся от столь мстительного Творца. Как можно уважать того, кто действует зачастую куда более жестоким образом, чем самый страшный из живших когда-либо злодеев?

Известно, что Лютер Бурбанк заявил следующее: «Сама идея о том, что благой Бог способен отправлять людей в пылающий ад, для меня совершенно отвратительна — она представляется мне безумным бредом, глубочайшим суеверием! Я не желаю иметь никакого дела с таким Богом».

Был ли он прав, отвергая этого Бога? Или весь вопрос заключается в том, как изображали Бога? Мы взглянем на «ужасного Бога» и на Его суд позднее.

Сейчас же нам вполне достаточно поразмышлять обо всех тех жестокостях, которые творились во имя Божие. В основе подобных методов — называются ли они «евангелизмом», «обращением» или «укреплением в вере» — лежит одна и та же роковая ошибка. Это идея о том, что насилие и принуждение безусловно приемлемы для Бога, как средства для того, чтобы нести нечто «доброе». Иначе говоря, вы — точно так же, как и Бог, — можете использовать ужасные угрозы и даже пойти на убийство, если это соответствует неким благим целям.

Запугать людей до принятия Бога. Приемлемо ли это? Одобряет ли Бог это? Является ли Сам Бог «террористом»?

Терроризм превратился в современную чуму всемирного масштаба. Любая акция, независимо от того, с каким насилием или жестокостью связано ее осуществление, считается допустимой, если она является частью некой борьбы за добро. Многие случайные люди погибают от взрывов бомб, заложенных в автомобили или в самолеты. Ни в чем не повинным приходится платить ужасную цену, будучи захваченными в качестве заложников и убитыми в заточении.

Но как же быть с Богом? Разве это тот способ действий, которого Он придерживается? И даже если принять эту версию, то можем ли мы, следуя Его путем, использовать подобные методы от Его имени? А как быть с нами? Может быть, Бог также держит нас в качестве заложников, требуя повиновения в обмен на жизнь? Исполнены ли, мол, мы страха и трепета, приходя к Нему? Является ли ужас Божий основой наших отношений с Ним?

Однажды мне пришлось ехать куда-то в спальном вагоне, и моей соседкой оказалась модельер. Каким-то образом наш разговор перешел к религии. Ее воспитали в авторитарной церкви, где подчеркивалась необходимость строгого подчинения правилам и обрядам под угрозой ужасного божественного наказания. Резко и с горечью она говорила мне: «Я ненавижу Бога. Я знаю, что в конечном счете Он накажет меня за все, что я сделала. Я боюсь Его, я просто не могу поклоняться столь недоброй личности. Я содрогаюсь от ужаса при мысли о том, что Он со мной сделает, но я больше не могу любить Его. Не могу».

Страшится Бога, но не боится отвергнуть Его. О чем говорит такое отношение к Богу?

И как же Сам Бог на него отвечает?

«Не бойся, ибо Я с тобою... Так говорит Господь, создавший тебя и образовавший тебя, помогающий тебе от утробы матерней: не бойся... Так говорит Господь, Царь Израиля, и Искупитель его, Господь Саваоф: Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога. Ибо кто как Я?.. Не бойтесь и не страшитесь».

Ис. 43:5; 44:2, 6—8

Глава четвертая

НЕ БОЙТЕСЬ

Откуда появился страх? Кто «изобрел» его? Всегда ли он был так присущ нам? Ведь даже воспитанные в хороших семьях люди испытывают бессознательную тревогу за свое неведомое будущее. Вечен ли страх?

Нет. В своих снах и мечтах мы часто живем в мире, полностью свободном от страха. На протяжении столетий люди создавали утопии — фантастические картины безмятежного счастья, почти рая. Они помнили, что свобода от страха — бесценное состояние. И некогда **было** именно так.

Давным-давно, в начале, Бог сотворил двух любящих, свободных, **доверчивых**, как дети, людей. Он с радостью общался и беседовал с ними. А главное, одарил драгоценным правом выбирать: любить ли и доверять Ему или идти своим путем. И если бы вы спросили Адама и Еву о страхе, они просто не поняли бы, о чем вы ведете речь. Что это такое? Чего им следует бояться? Кого им нужно опасаться? Бог был их надежным Другом. До тех пор, пока...

Пока они добровольно не нарушили это доверие и не решили думать, действовать и жить, противопоставив себя Богу. Пока они сами не отвергли Бога. Пока они сами не уничтожили дружбу.

Это выбор, сделанный **ими**. Не выбор Божий. Адам и Ева предпочли поверить дьявольской хитрости, а не Божьей любви. Грехопадение — это не просто некий съеденный плод! Грех —

это разрыв отношений с Творцом и, как следствие, — отпадение от Бога, от мира, любви. И первое чувство одиночества. Тогда и был рожден страх. Он появился от искаженного восприятия Бога и Его действий после происшедшего. Это была непосредственная реакция на осознание себя «падшим». Именно после этого впервые упомянут страх: человек прячется от своего Бога, от преданного им Друга.

Писание спокойно повествует об этом событии, потрясшем всю землю: «И воззвал Господь Бог к Адаму, и сказал ему: где ты? Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоялся...»¹.

Так самой первой личностью, вызвавшей у людей страх, был Бог. Любящий Творец, Который заботливо подготовил землю для Своих друзей, теперь встретился со взглядом, полным ужаса. Что же случилось после этого с сердцем Божиим?

Однажды мне пришлось общаться с мальчиком, которого сильно обидел отец. Мальчик сидел в углу комнаты, сжавшись и обхватив голову руками. Когда я подошел, чтобы поговорить с ним, он пригнулся еще ниже и заплакал. Я пытался убедить его, что не принесу ему никакого вреда, что я хочу быть его другом. Но опыт заставлял мальчугана бояться всех людей. И на какой-то момент я испытал нечто, отдаленно похожее на то, что, должно быть, ощутил Бог-Отец, когда Его дети в страхе спрятались от Него, — хотя в отличие от мальчика у них не было на это подобных причин. Как же людям преодолеть состояние глубокого страха и недоверия?

Лишь посредством длительного терпеливого убеждения, уверения. Постепенно показывая испуганному человеку, что у тебя действительно нет никаких намерений причинить ему боль и что сам ты достоин доверия, потому что испытываешь к нему искреннюю любовь — конкретно и лично к нему.

В этом-то и есть цель Библии. Это не книга правил. Не сборник высказываний на религиозную тему. И даже не просто заповеди Божьи. Поскольку в отношении Бога заповеди не действуют. Требование любви, силовое принуждение к дружбе никогда не дадут правильных результатов: необходимы любовь и доверие независимого человека, который способен действовать на основании своего собственного выбора.

Библия — это рассказ о Боге, каков Он есть. Она полна многообразных примеров, раскрывающих отношения между Богом и человеком, показывающих Его милосердие и терпение. Простое

утверждение о том, что вы праведны и истинны, еще не делает вас таковым! Доказательство, свидетельство, ручательство того, что Бог действительно прав, что Он верный, добрый, достойный доверия... Именно в этом и заключается цель «Книги Писаний».

И поэтому, когда Бог является нам, Своим робеющим детям, и пытается заговорить с нами, действовать совместно с нами, — Он начинает с таких важных учредительных слов:

«НЕ БОЙТЕСЬ!»

Мы боимся Бога лишь тогда, когда не ведаем, каков Он, или не понимаем Его намерений. Подобно космонавту из научно-фантастической книги, который при встрече с неким суперсуществом опасается необъяснимых сил этой чудовищной Личности. Учитывая невероятное величие Божье, легко понять, как возникает страх, — это изумление и ужас перед всемогуществом Бога. Бог — «небесный Незнакомец».

Но послушайте, как Он говорит с нами, — снова и снова. Его первое обращение к Аврааму, или Авраму, как его звали до изменения имени: «Не бойся, Аврам; Я твой щит; награда твоя весьма велика»².

Это начало Божьего завета с Его особым другом. Чем же Авраам был столь особенным? Тем, что он стремился слушать Бога и идти с Ним. К этому слушателю и приходит Бог со словами мира, показывая Свою истинную природу. Еще до всех жертвоприношений, до всех пророческих видений о будущем (иногда очень тревожных) звучат эти слова, полные спокойного заверения. Бог Авраама вовсе не нуждается в страхе перед Собой.

Будь мы людьми чистыми, доверчивыми и верующими, этого обращения было бы достаточно. Ручательства, данного Аврааму, хватило бы и для нас. Но из-за того, что сердца наши гнетет страх, и из-за того, что мы зачастую неверно понимаем Бога-Отца, Он повторяет Свои слова снова и снова.

Исаак, сын Авраама, полон сомнений и горечи. Он совсем потерял почву под ногами. Он не уверен в будущем и в обетовании, данном свыше его семье. Поэтому Бог приходит вновь. «И в ту ночь явился ему Господь, и сказал: Я Бог Авраама, отца твоего; не бойся, ибо Я с тобою...»³.

И приходит покой. «Исаак, помнишь, кто Я? Я здесь, с тобой, и Я действую для тебя». Слова утешения и уверения. Бог, являющий Собой защиту от страха!

И не только для тех, кому «дано обетование». К бедной Агари, изгнанной из единственного дома, который она знала, обращены те же слова: «Что с тобою, Агарь? не бойся...»⁴.

Ибо, какова бы ни была ситуация, кого бы она ни затрагивала, Бог начинает с этого успокаивающего уверения. Он знает чувства и сомнения людей и стремится установить отношения, в которых нет места страху. Поэтому, несмотря на все предшествующие доказательства Своей заботливой любви, Он готов терпеливо повторять их каждому человеку — как, например, Иакову: «И сказал Бог Израилю в видении ночном: «Иаков! Иаков!». Он сказал: «Вот я». Бог сказал: «Я Бог, Авраама, отца твоего; не бойся...»⁵.

То же происходит и с Моисеем. Он обретает Бога у «горящего куста». Прямо оттуда Бог говорит изумленному пророку слова ободрения, представившись Господом, Которого Моисей должен **знать**: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова».

Но, очевидно, Моисей еще **недостаточно** проникся верою. Он видит лишь устрашающие жаркие языки пламени. Он с ужасом вспоминает о своих грехах (не забывайте, что он убийца!). Возможно, первое, что он подумал: Бог пришел наказать! Поэтому, когда Господь провозгласил о Себе и «сообщил о Своих полномочиях», «Моисей закрыл лицо свое; потому что **боялся** воззреть на Бога»⁶.

Однако у Моисея не было причин бояться. Бог явился, чтобы призвать его стать величайшим вождем Израиля,— несмотря на все сомнения Моисея! Со временем Моисей **действительно** узнает этого Бога, избавляющего от страха. Когда израильтяне в ужасе пали ниц у подножия священной горы Синай, они умоляли Моисея самому подняться и встретиться с Богом. Они буквально оцепенели перед этим извергающим громами Сверхсуществом. Но Моисей теперь сам заговорил языком Бога, обращаясь к ним: «Не бойтесь»⁷, и вновь, непосредственно перед своей смертью: «Господь Сам пойдет пред тобою, Сам будет с тобою, не отступит от тебя и не оставит тебя, не бойся и не ужасайся»⁸.

Каков бы ни был Его план, в чем бы ни была проблема, Бог начинает именно с этого важного обращения. Подобно повторяющемуся эху или припеву прекрасной песни, Бог говорит эти слова, выявляя Свой истинный характер. И Аврааму, и Исааку, и Иакову, и Моисею Он *повторяет одно и то же!*

Преемнику Моисея Иисусу Навину; верному слуге Божьему царю Давиду; его сыну, мудрому Соломону; уставшему от трудов Зоровавелю; одинокому Иеремии и верному Даниилу — **всем** им Бог говорит⁹:

«НЕ БОЙТЕСЬ!»

Бедный Гедеон, недоверчивый герой, испугался Бога, поскольку считал, что, увидев лик Божий, он умрет. Действие Бога? Именно такое, какое вы ожидаете: «Мир тебе, не бойся, не умрешь»¹⁰. Ибо Господь не желает отношений, основанных на страхе. Если бы Он нуждался в бессмысленном, униженном, держащемся на страхе послушании, Он бы не сотворил мужчину и женщину, обладающих свободой выбора и способностью любить.

Он хочет, чтобы мы не ужасались Его, а **познали**: «Так говорит Господь... Я первый, и Я последний, и кроме Меня нет Бога. ...Не бойтесь и не страшитесь»¹¹.

У меня есть один знакомый, который немного не вышел ростом. Гуляя по городу, он лицом к лицу столкнулся с тремя панками с немислимыми прическами. Обычно он избегал подобного типа людей, даже переходил улицу, чтобы разминуться, поскольку опасался их непредсказуемых действий. Но сейчас у него не было времени, чтобы свернуть в сторону. И, конечно же, самые худшие его опасения подтвердились. Панки толчком сбили его с ног и прошествовали дальше. Страх, казалось бы, оправдался. Но затем панки увидели, что он лежит на земле. Бегом вернулись назад, помогли ему встать и, отряхивая его, всячески извинялись за свою неосторожность. Это действительно была случайность. Страх прошел, как только он узнал, что именно представляют собой эти три панка.

Богу просто необходимы ваше терпеливое внимание и предельная открытость, чтобы Он мог сообщить вам то, что Он желает сообщить. Более всего другого именно страх препятствует распространению и утверждению истины. У испуганного человека страх парализует мысли и порождает подозрительность и враждебность, поскольку для него всякое поведение может таить в себе ужасную угрозу. Результатом этого является реакция мятежного протеста — идея о том, что «я бы не отвернулся от Тебя, не будь я так испуган!». Подобная ситуация не позволяет Богу (и нам) продвигаться вперед.

Божья песнь мира достигает особого величия и красоты в вести ангельского хора над Вифлеемом: Бог приходит к нам, Еммануил («с нами Бог»). И в этом живом пояснении имени Творец являет Свою истинную суть, а также характер отношения к нам.

«В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего. Вдруг предстал им Ангел Господень и слава Господня осияла их; и убоились они страхом великим. И сказал им Ангел: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всё́м людям...» И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение»¹².

«Не бойтесь... великая радость... всем... мир». Какое прекрасное изложение намерений и характера Божьего!

На протяжении тысяч лет Он пытался донести до людей Свое послание. Но несмотря на повторяющиеся заверения и свидетельства Его честных намерений, в людях все еще существовал барьер неверия и подозрительности. Поэтому Ему вновь пришлось действовать и являть правду — наиболее ясным образом. Бог вынужден был Сам прийти и показать, каков Он и каковы Его планы. Божье послание: «Не бойтесь!» теперь должно было стать живым воплощением.

«В четвертую же стражу ночи пошел к ним Иисус, идя по морю. И ученики, увидевши Его, идущего по морю, встревожились и говорили: это призрак; и от страха вскричали. Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь».

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце, одежды же Его сделались белыми как свет... облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И услышавши, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус приступив коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь».

Мф. 14:25—27; 17:1, 2, 5—7

ЛИЧНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БОГА: НЕ БОЙТЕСЬ

Почему пришел Иисус? Ради чего все это было? Вопрос этот начали обсуждать, как только Он пришел. Много истинных, правильных и честных ответов о смысле жизни и смерти Иисуса было дано с тех пор христианами.

Но что мы можем сказать об этой миссии, размышляя о страхе и о человечестве, охваченном трепетом перед всемогущей властью Бога, о полном ужаса недопонимании Его планов? Что мы можем сказать о таком определении намерений Божьих, которое приводится в Евангелии от Луки: «Дать нам... **необязательно...** служить Ему в святости и правде пред Ним во все дни жизни нашей»¹.

Звучит хорошо. Но так ли это выходило в реальности? Возьмите классический пример из отношений Иисуса со Своими ближайшими помощниками.

Бушует шторм, а ученики — посреди разъяренных волн моря Галилейского. Иисуса с ними нет! Плохи, кажется, их дела. Затем вдруг они замечают человека, идущего прямо **по воде** по направлению к ним. Нет слов, чтобы описать их ужас, поскольку никогда еще они не видели ничего подобного! Что же произошло? Просто живое воображение напомнило им обо всех этих историях с призраками, и в одно мгновение учеников охватил ужас. Они **смертельно напуганы!** «Но Иисус тотчас заговорил с ними и сказал: ободритесь; это Я, не бойтесь»². Так же, как и в предыдущих Писаниях!

Страх приносит сомнение и неверие. Доверие приносит покой и убежденность. Это простое уравнение показывает, почему Иисусу не нужен наш страх.

Беседуя с людьми о Боге и о том, во что они верят, я узнал, что очень многие из тех, кто «отказался» от религий, связывают начало своего отрицания Бога с теми ужасными Его характеристиками, которые они слышали в детстве в воспитательных целях. Это мрачные истории о том, каким образом Бог накажет вас, если вы что-то сделаете не так. Ужасающие описания Его внешнего вида. Бог, полный угрозы и лишенный любви, нужен был для того, чтобы держать непослушных детей в повиновении. Но какой ужасной ценой! Как выразился один из этих отчаявшихся страдальцев: «Я чувствую себя так, будто я пал жертвой любителя пугать детей, но в моем случае виновным был Бог! Он внушал мне такой ужас, что это превратило мою жизнь в кошмар. В конце концов я с большой радостью ушел от Него!»

Но, как показывает Иисус, такое изображение Бога является ложным. С тех пор, как ангелы провозгласили благую весть пастухам, и до того момента, как те же самые ангельские голоса возвестили о воскресении женщинам в пустой гробнице, послание Божье остается неизменным: **ВАМ НЕТ НУЖДЫ БОЯТЬСЯ — И МЕНЕЕ ВСЕГО, БОЯТЬСЯ МЕНЯ!**

Мы испытываем доверие к Тому, у Кого слова никогда не расходятся с делом, к Тому, Кто в ослепительном свете божественного величия явился на вершине Горы Преображения потрясенным ученикам: «Облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте. И услышавши ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус приступив коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь. Возведши же очи свои, они никого не увидели, кроме одного Иисуса»¹³.

Громкогласно звучащий божественный голос испугал учеников. Они, возможно, думали, что настал их последний час. А может, этот голос возвестил о наступлении Страшного суда и о том, что они приговорены к гибели? Но нет! Голос просто подтвердил, что Иисус есть Бог, предоставил особое доказательство о Его природе и Его отношениях с Богом-Отцом. Он просто повелел ученикам **слушать** Его.

Что же возгласил Иисус? Первые слова после божественного подтверждения о Нем и Его миссии были таковы: «Встаньте и не бойтесь». Потрясающе!

Имеющие власть зачастую испытывают огромное искушение безгранично пользоваться ею. Как эта власть их портит! По словам Шелли: «Власть подобна опустошающему поветрию. Она отравляет все, к чему прикасается».

Обладание властью означает борьбу за ее сохранение. Внушающие страх краснокожие в боевой раскраске. Наводящие ужас зулусские танцы войны. Гротескные, угрожающие представления майори. Когда идет борьба, все средства кажутся оправданными и справедливыми, даже ложь и вероломство. Запугать, деморализовать, утратить... В наши дни сдерживание гонки вооружений — это огромный ужас перед ядерным уничтожением. Власть ядерного «гриба»! Мир, который достигается лишь балансированием двух врагов, каждый из которых держит над головой другого дьявольскую бомбу.

Помешавшиеся на власти, сведенные ею с ума. Но Творец ведь тоже обладает бесконечной властью, «всемогуществом». Относится ли к Нему выражение Корнейла: «Всемогущество покупается непрерывным страхом?»

Верит ли Бог в безграничную власть силы? Прибегает ли и Он к угрозам типа: «Подчинись Мне, или Я из тебя лепешку сделаю!»?

Если Иисус является воплощением Бога, то подобные предположения — абсурд. Всемогущий Бог не пытается посредством страха побудить нас установить отношения с Ним. Сила — не Его метод, а «запуганное» человечество — не Его цель. Иисус непрерывно увещевает нас не бояться, и Его жизнь доказывает, что никогда Он не стремился добиться согласия силой, прибегая к страху или к угрозам.

Что ж. Это большое утешение. Мне не нравится, когда я испуган, и я благодарен такому Богу за то, что Он Сам пришел и сказал мне: «Не бойся!»

Тем не менее вопрос остается. Есть ли резон не бояться? Могу ли я бесповоротно довериться? Где гарантии того, что я не испугаюсь?

«Да не смущается сердце ваше; веруйте в Бога и в Меня веруйте. В доме Отца Моего обителей много; а если бы не так, Я сказал бы вам: «Я иду приготовить место вам». И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я... Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

Ин. 14:1—3, 27

«... не бойся; Я есмь первый и последний и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков».

Откр. 1:17, 18

НЕ БОЯТЬСЯ? А ПОЧЕМУ?

Этот вопрос напоминает мне о забавном плакате, который приходилось видеть в кабинетах уставших от работы сотрудников:

У МЕНЯ БУДЕТ НЕРВНЫЙ ПРИПАДОК!

А ПОЧЕМУ БЫ И НЕТ?

Я РАДИ ЭТОГО УСЕРДНО ТРУДИЛСЯ...

Я ЗАСЛУЖИВАЮ ЭТОГО...

И НИКТО НЕ ПОМЕШАЕТ МНЕ НАСЛАДИТЬСЯ ИМ!

Почему мы **не должны** бояться Бога? Просто потому, что Он советует нам это? Достаточно ли это веская причина? А что, если мы **предпочитаем** бояться Его? Предположим, что есть люди, которым действительно **нравится** бояться Бога... Возможно, что именно в этом состоит привлекательность некоторых из религиозных «идей, основанных на страхе». Верующие некоторым образом *предпочитают* испытывать страх перед Богом или перед тем, что Он может сделать. «Бог страшит меня, и я Его люблю» — вот в чем смысл этой идеи.

Совершенно верно, что рассказы и фильмы ужасов приносят в нашем обществе большие доходы. Уже одно это позволяет думать, что мы находим извращенное удовольствие, когда нас пугают до дрожи в коленках (иногда!). Мы даже сами иной раз стремимся попасть в такую ситуацию. Можно сказать, что это некий предохранительный клапан, способ контроля над чув-

ством страха. Применительно к религиозным идеям мы также видим множество параллелей: ужас и религия зачастую идут рука об руку!

Некоторым людям идея «страха Божьего» помогает избежать истинных отношений с Ним. Он вызывает страх, Он несет угрозу, но Он и устанавливает законы. И если каким-то образом удастся их **соблюсти**, Бог *вынужден* будет пустить «законопослушных» на Небеса! Таким образом эти люди получают то, чего желали, без необходимости искренне **любить** Бога. Они идут на нечто вроде сделки, делового соглашения. Согласно подобной модели мышления, характер Божий не играет никакой роли. Достаточно просто «играть по правилам».

Есть также люди, которые полагают, что страху перед Богом *нет альтернативы*. Таково (говорят они) положение дел, и нам лучше с этим смириться. Они, в сущности, не могут поверить тому, что говорит Бог, — или, возможно, желают неверно истолковывать Его слова.

Но действительно ли мы **стремимся** испытывать страх перед Богом? Если по-честному, **предпочитаем** ли мы сами опасаться неведомого «великаноподобного» Бога? **Нуждаемся** ли мы в том, чтобы бояться Его?

Каков же ответ на этот вопрос? Каковы у нас причины, чтобы не испытывать страха перед Богом? Какого рода свидетельство этому мы имеем? Какое имеется основание довериться Ему?

Мы уже видели, как Сам Бог ободряет человечество. Главный Его подход заключается в том, что, хотя Он и всемогущий и наивысший Господь вселенной, Бог не хочет, чтобы мы боялись Его, поэтому Он постоянно мягко успокаивает нас: «Не бойтесь!» А за этим следует живое свидетельство сущности Бога в Иисусе: Бог на кресте открывает нам, каков Он в действительности **есть!**

Но мы все еще не понимаем. Мы и далее превратно истолковываем Его и «медлительно сердцем поверить». Нам все это кажется невероятным. Поэтому Бог идет дальше. Он не только сообщает и не только показывает, каков Он, но **доказывает** это таким образом, чтобы никто не смог понять Его ложно.

Исаия, евангельский пророк, провозглашает Божью благую весть: «Не бойся, ибо **Я** — с тобою; не смущайся, ибо **Я** — Бог твой; **Я** укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей»¹.

Обетование основывается на том, что если мы отвечаем любящему Богу, то Он **на нашей стороне**. Он с нами, Он не *против* нас.

Кое-кто полагает, что Бог дал нам так много правил, чтобы изгнать и осудить нас. Будто Его намерения по отношению к нам — это намерения антагониста, который, будучи сам праведным и совершенным, «спасает» лишь тех, кого он **вынужден** спасать! Такой Бог — «исключающий» Бог.

Но это в корне **НЕВЕРНО!** Господь уверяет: «Не бойся, ибо Я искупил тебя, назвал тебя по имени твоему; ты — Мой»². Бог говорит, что мы принадлежим Ему. Он желает **сохранить** нас, а не отбросить на некую космическую свалку мусора! И главное доказательство тому лежит в слове «*искупил*».

ВОТ ПОЧЕМУ! Как можно опасаться Того, Кто «выкупил нас» такой неизмеримой ценой для Себя.

Давайте вернемся на две тысячи лет назад и представим себе, что мы находимся в маленькой комнате, полной людей, которые в смятении прячутся за закрытыми дверями...

Это грубоватая компания, в основном из людей низших сословий, — в ней простые рыбаки и крестьяне, чудаковатый сборщик податей и повстанец. Несмотря на внешнюю браваду, все они опасаются, что следующий стук в дверь будет означать приход тайной стражи. Арест, пародия на суд, бичевание и избивание, а затем смертная казнь — самая мучительная. Они знают, что произошло с их предводителем.

Никто не стучит. Однако в дверях вдруг появляется еще кто-то. Тот самый «умерший» предводитель. Входя через закрытую дверь, он тихо улыбается им. Дух, чародей, призрак? Нет. Ибо Он обращается к оцепеневшим от страха ученикам так, как Он это делал всегда: «Мир вам!»³.

Нет нужды бояться. Воскресший Иисус — вот все то доказательство, которое нужно, чтобы не страшиться Бога. Воскресение — **гарантия** добрых намерений Творца в отношении нас. Своей смертью на кресте и воскрешением из мертвых Иисус свидетельствует об огромной любви Божьей и нашем пути возвращения к этому любящему Богу. Как советует Иисус Фоме: «Не будь не верующим, но верующим»⁴.

Доверие к Богу основывается на Иисусе — Едином и *единственно* обладающем властью над смертью — и всем сущим. Иисус говорит: «Не бойся; Я есмь первый и последний и живой; и был мертв, и се, жив во веки веков»⁵.

Вот в чем ключ. **Вот** в чем причина. **Вот** в чем ответ на наш вопрос. Наглядное проявление Божьей любви и милосердия к нам. В воскресении — Божья власть и спасительная любовь одновременно. Мы можем быть совершенно уверены в этом и можем отвечать Богу без малейшей тени сомнения. «Не бойтесь же...». Для страха нет причин. А если Бог за нас, для чего подозрительность?

Воскресение — это конец страха. Оно также начало надежды — твердой и непоколебимой. По мере приближения Своего конца, когда время ярко высветило драматическое значение слов: «Не бойтесь» — Иисус настойчиво объяснял Своим друзьям, почему не должны смущаться сердца. Нет нужды тревожиться или бояться. И вот почему: вы доверяете Богу и вы доверяете Мне. И вот, что ждет вас в будущем — это будущее со Мною и с Отцом⁶. Как можно быть мнительным, имея такое ручательство?

Но более того: это грядущее не будет туманным и таинственным. В центре его — твердое обетование Иисуса: «Я **непременно** приду вновь!». Иисус не предоставил нас самим себе. Он не просто для ободрения сказал нам: «Не бойтесь!» **Тот, Кто обладает властью над смертью, вернется вновь на эту землю.**

Помню, как я был испуган, когда впервые услышал о «возвращении» Иисуса! Но из всех страхов, которые мне довелось испытывать, этот был наиболее странным. Поскольку возвращается наш Друг, разве мы должны Его бояться?

Воскресение Иисуса не просто доказывает, что Он — Бог и что у Него есть власть и авторитет для того, чтобы призвать нас не испытывать страха. Нельзя также сказать, что воскресение — это лишь демонстрация Его возможностей. Давайте немного поразмыслием...

Если бы вас попросили назвать то, чего сильнее всего боится человечество, что бы вы назвали? Безусловно — СМЕРТЬ. Смерть, умирание являются в современном мире табу в большей мере, чем что-либо другое. Не говорите об этом. Старайтесь это игнорировать. Верьте, что с вами это не произойдет, и так далее. Смерть — наивысший ужас; более того — величайшее оскорбление. Для многих она является воистину страхом всех страхов.

Но из уст Того, Который говорит: «Не бойтесь» и «Я живой», — звучит заверение, что смерть — не конец всему: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет»⁷.

И еще одно объяснение: «Во Христе все оживут... Последний же враг истребится — смерть... все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся... „поглочена смерть победою“»⁸.

Как? Когда? Где? И, прежде всего, с кем это произойдет?

«Потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде;

Потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем.

Итак, утешайте друг друга сими словами»⁹.

«Итак, *утешайте* друг друга» — Божий завет надежды. Иисус, Бог, Которого мы знаем и Который **не** вызывает у нас боязни, придет вновь. По Его воле воскреснут те, кто «уснул» в Нем и «оставшиеся в живых» вознесутся, чтобы встретить Его в воздухе и пребывать с Ним вечно!

Это уверение, безусловно, побеждает ужас смерти у тех, кто принимает Христа. И не только побеждает, но дает ручательство: «И се, Я с вами во все дни до скончания века»¹⁰. Что положит конец всем страхам? Бог сейчас там, в небесах, но Он с нами и, в конечном счете, Он спасет нас. Если мы желаем, чтобы Он это сделал. Потрясающе!

Сказанного достаточно. Послание: «Не бойтесь» — полностью продемонстрировано и полностью гарантировано. Ибо, когда мы смотрим в эту внушающую ужас бездну, в темный мрак бездонной пропасти смерти, мы знаем, что Бог рядом, и Он нас спасет.

Однажды мне пришлось поехать с экспедицией по кольцеванию птиц на Шотландские острова, которые расположены к северу от Шотландии. Мы спускались по крошащейся под ногами скале, чтобы окольцевать птенцов моевки, сидящих в своих гнездах на опасных уступах.

Под нами скала на шестьдесят метров обрывалась вниз — до валунов, о которые с грохотом разбивались пенящиеся волны. И вот, когда я оперся на большой валун, держа в одной руке птенца моевки, а в другой — кольцовочные плоскогубцы, скала **покачулась**.

Похоже было на то, что подался весь склон скалы. Массивный ее обломок размером около полутора квадратных метров просто обвалился, а я опирался на него. Эта глыба падала вниз, и я вместе с ней!

«Джон!» — крикнул я своему другу, работавшему рядом, по другую сторону скалы.

Увидев, что произошло, он, рванувшись, успел схватить меня за руку и удержал над пропастью.

Стоя на безопасном уступе и все еще держа в руке птенца, я замороженно наблюдал, как огромный кусок скалы летел, ударяясь о склон и дробясь на части, пока не разбился вдребезги о зубчатые валуны внизу. Уф!

Я мог бы погибнуть. Несомненно. Моя собственная смерть ясно предстала перед моим взором. Эта ужасающая открытая пропасть и ощущение падения, падения, падения...

Но друг подоспел вовремя, подхватил и подтянул к себе. Подобно нашему Богу, лучшему Другу.

Однако в случае с Иисусом и Его воскресением это будет не просто спасение. Не счастливое избавление от неминуемого конца. Это скорее **твердая гарантия** вечной жизни: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?»¹¹.

Почему мы не должны бояться? Потому что Бог **таков**, какой Он есть, благодаря тому, что Он сделал; в силу того, что Он обещает, уверенно и надежно.

В Его воскресении заключается наше спасение, в Его обетовании заключается наша уверенность, в Его присутствии с нами сейчас заключается наше освобождение от страха.

Доверьтесь Богу и верьте в это!

«Слушай, народ Мой, и Я буду свидетелем тебе; Израиль! о, если бы ты послушал Меня!.. Но народ Мой не слушал гласа Моего, и Израиль не покорялся Мне. Потому Я оставил их упорству сердца их, пусть ходят по своим помыслам».

Пс. 80:9, 12, 13

«И ты скажи им: так говорит Господь Саваоф: обратитесь ко Мне, говорит Господь Саваоф, и Я обращусь к вам, говорит Господь Саваоф. Не будьте такими, как отцы ваши, к которым взывали прежде бывшие пророки, говоря: так говорит Господь Саваоф: обратитесь от злых путей ваших и от злых дел ваших; но они не слушались и не внимали Мне, говорит Господь. Отцы ваши — где они?»

Зах. 1:3—5

ИНОГДА БОГ ВЫНУЖДЕН КРИЧАТЬ

Я гулял со своим двухлетним сыном Полом. Мы шли, радуясь деревьям, покрытым молодой листвой, и цветам на тропинке, огражденной живой изгородью. Я показывал ему, как его щека может засветиться желтым светом, если к ней поднести цветок лютика. Потом мы нашли крошечное гнездо лесной птицы, в котором лежали четыре яйца ярко-голубого цвета, того же цвета, что и раскинувшаяся над нами сияющая лазурь весеннего неба. И мы долго смеялись над ежиком, что трусцой пробежал мимо, а затем, испугавшись нас, свернулся в клубок.

Скоро мы дошли до конца тропинки и вышли на дорогу, забитую ревущими автомобилями. Пол, который все еще был счастлив и возбужден, быстро побежал к заманчивой большой черной «тропе». По своей наивности он не подозревал об опасности.

Подняв глаза, я увидел, куда он бежит. «Пол! **СТОЙ!**» — завопил я нечеловеческим голосом, полным страха и угрозы, страха и отчаяния.

Услышав мой дикий крик, он остановился, ступив уже одной ногой на дорогу. Я подбежал, подхватил его на руки и, весь дрожа, отнес назад на тропинку.

Пол с перепугу заплакал. Почему папа так кричал? Почему он неожиданно превратился из доброго, готового помочь друга, который любит его и показывает ему всякие интересные вещи, в ужасного, внушающего страх великана? Почему?

Я успокоил его, объяснил Полу, что он не знает, как опасна дорога, что его могла сбить проезжающая машина. Как раз, когда я ему об этом говорил, одна из машин пронеслась мимо. Как я не хочу, чтобы с моим мальчиком что-нибудь случилось. Но как вы **можете** объяснить двухлетнему ребенку вопросы, касающиеся жизни и смерти? А я все думал. Что **еще** вы можете сделать? Когда вы видите неминуемую угрозу жизни, что еще вы можете сделать, кроме как закричать, предприняв немедленные и решительные действия?

Я сам испугался того крика. Я себя таким не знал. Но у меня не было другого выбора, хотя я и знал, что мои действия неверно будут поняты. Любовь заключается не в том, чтобы рассудительно произнести: «Пол, я думаю, тебе лучше было бы внимательно подумать над своими весьма опасными намерениями и вернуться к своему заботливому и любящему отцу», — видя, как на него несется громышающий грузовик. Любить — значит изо всей мочи вопить, предупреждая о грозящей опасности.

И Богу иногда приходится кричать.

Бог выводит своих упирающихся детей из египетского плена. После всех трудностей, связанных с их спасением, они, наконец, в пути. Для того, чтобы оторвать Свой народ от преследующего войска фараона, Бог открывает израильтянам проход в Красное море. Теперь они в безопасности на другом берегу.

Но, невзирая на все доброе, что Бог сделал для них, израильтяне (подобно нам) ворчат и жалуются! Три дня они покорно идут, а затем обнаруживают, что «оазис», к которому они вышли, полон горькой воды, не годной для питья. Поэтому они стенают до тех пор, пока Бог не делает воду сладкой.

Спустя шесть недель «избранники» вновь в таком же настроении: сердятся и негодуют, сожалея о том, что они не в Египте, где вдоволь тушеного мяса и хлеба, и стонут, что лучше было бы им умереть! И тогда их терпеливый Бог с помощью изумительного чуда дает невиданную пищу. Чудо это еще более поражает тем, что израильтянам дан совет не собирать манну в святой Божий день — субботу — день седьмой. Некоторые из них все же пытаются набрать манны в субботу, не веря Богу. И не находят ничего.

Евреи идут дальше. Очень скоро они вновь начинают роптать и жаловаться, что нет воды. Они бросают вызов Богу — ибо именно Он ведет их. Они во всем сомневаются, не соглашаются

с Ним, впадают в отчаяние. Поэтому Бог через Моисея чудесным образом дает им воду из скалы.

Нет ничего удивительного в том, что Бог называет Своих детей «упрямыми» и «мятежными»!

И Он вынужден кричать, потому что они отказываются слушать Его, потому что иначе они пойдут своим собственным, ложным путем, без Него. Для того, чтобы они слышали, чтобы Он мог спасти их от самих себя, ОН КРИЧИТ. Там, на горе Синай, Бог грозно встречается со Своими детьми. «На третий день, при наступлении утра, были громы и молнии, и густое облако над горою, и трубный звук весьма сильный; и **вострептал весь народ**»¹.

С помощью столь драматичных и убедительных знамений и звуков Бог **действительно** привлекает внимание Своих детей. Но точно так же, как Пол, когда я закричал, **они замирают в испуге**. Они боятся того, что Бог убьет их. «Весь народ видел громы и пламя, и звук трубный, и гору дымящуюся; и, увидев то, народ отступил и стал вдали. И сказали Моисею: говори ты с нами, и мы будем слушать; но чтобы не говорил с нами Бог, дабы нам не умереть»².

Крик достиг своей цели. Бог полностью овладел их вниманием. Они стояли у подножия горы с открытыми ртами и вытаращенными глазами. Но вместо того, чтобы поблагодарить Бога и послушаться Его совета, обращенного к ним, они убоялись Его.

Они **действительно** уверяли: «Все, что сказал Господь, исполним»³. Они **действительно** дали обет: «Мы будем слушать и повиноваться». Но как долго сохранялось такое их отношение к Богу? Лишь пока они испытывали страх перед Ним.

Как и в случае с мятежным народом, находящимся под властью ненавистного правителя, единственным способом побудить детей Божьих поступать так, как им говорилось, были постоянные Божьи угрозы! Слишком часто Богу приходилось доказывать, что Он хозяин Своего слова.

Вспомним мятеж Корея, Дафана и Авирона. Они решили, что знают больше, чем Бог. Они подумали, что будут лучшими руководителями, чем Моисей и Аарон. Они полагали, что весь поход в пустыню был ошибкой. Поэтому они бросили вызов Богу и Моисею. Проба сил!

Очевидно, этим троим безразличен был и Бог, и Его замысел

привести народ Свой в землю обетованную. Но если бы к ним прислушались и позволили действовать, то не стало бы детей Божьих, не стало бы последователей истинного Господа, продолжавших свой путь к земле обетованной. Они «презрели Господа»⁴.

Что произошло далее? Невозможно было отговорить этих людей отказаться от своих мятежных и вызывающих действий. Корей и его сторонники стали окончательно «безнадежными», готовыми разрушить все, если бы им предоставилась возможность. Люди уже были лишены воодушевления и неискренности в своих отношениях с любящим их Господом. Поэтому земля разверзлась под ногами бунтовщиков и поглотила их, а огонь сжег еще двести пятьдесят лжесвященников. Радикальное решение.

Почему? Потому что иначе эти «дурные овцы» испортили бы все стадо. Богу пришлось доказывать Свою твердость и Свою власть тем, кто безрассудно насмехался. Не для того, чтобы защитить Себя, но чтобы показать другим, **понятным им способом**, что Бог воистину есть Бог. Как и в случае с двумя сыновьями Аарона. Они не думали о Боге, Которому должны поклоняться и более служить в качестве священников. Однажды эти пресловутые «священники» преступили всякую грань, сделав ложное приношение Богу. Огонь вышел от Бога и сжег их⁵.

Почему? Не потому, что Бог чувствовал от них угрозу или жаждал мести. Просто для того, чтобы показать, что Его намерения святы. Священное должно оставаться священным **ради нашего блага**. Чтобы мы могли понять его значение и увидеть действительную **серьезность** нашей ситуации.

У первосвященника Илии также было два сына-отступника. Как говорит Писание, они «были люди негодные; они не знали Господа»⁶. Они силой отбирали у тех, кто приходил на поклонение, все, что им было нужно. Прелюбодействовали с женщинами, которые помогали служением в скинии. Они не внимали предупреждениям и в конце концов расстались с жизнью. С печалью Бог вынужден был показать Свою непреклонность, особенно по отношению к возмутительным грехам священнослужителей.

Но когда люди видели подобные катастрофы, они говорили себе: «Эй! Ты только посмотри! Лучше мы будем делать то, что нам сказано, иначе Бог сделает то же самое и с нами!» Всякий

раз, когда Бог предостерегал людей, всякий раз, когда Он повышал голос,

ДЕТИ БОЖЬИ НЕВЕРНО ВОСПРИНИМАЛИ ЕГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ И ЕЩЕ БОЛЬШЕ БОЯЛИСЬ БОГА.

Когда вы проявляете жестокость, вы идете на большой риск. Еще хуже, если вы предостерегаете о последствиях своеволия. Люди рассматривают это как угрозу, и дальнейшие взаимоотношения строятся на основе вознаграждения и наказания.

Вот так жил народ Божий. История Израиля — это история того, как евреи отворачивались от Бога и Его заветов. Бог кричит и предостерегает, затем позволяет произойти каким-то несчастьям, чтобы люди прислушались к Его словам и избрали лучший путь. Пока продолжают трудные времена, они так и поступают. Затем вновь отходят от Бога. Чья это вина? Бога?

Если вы увидите человека, не подозревающего о том, что он идет к самому краю обрыва, разве вы не закричите, чтобы предостеречь его? Разве вы не попытаетесь оттащить его? Вполне возможно, что вас неправильно поймут. Вполне возможно, что вас даже обвинят в нападении! Но отчаянная ситуация требует отчаянных действий.

Крик Божий — это Его отчаянное действие.

Представьте себе, что вы учитель и стоите перед классом неуправляемых восьмилетних учеников. Они **невообразимо** шумят, не обращая никакого внимания на ваши слова, советы и наставления. В конце концов, вы учитель и желаете им наилучшего. Вы желаете, чтобы каждый ребенок был счастлив, а это означает и гарантию того, что каждый из них получит возможность учиться и подготовиться к жизни. Вы думаете не о себе, вы заботитесь лишь об этих крикунах. Что же вам делать?

Овладейте их вниманием. Жизнь не принесет им счастья, если они ничему не научатся. Если они не научатся читать, писать или складывать цифры. Поэтому вы тоже кричите. Создаете еще **больше** шума, чем они, но не потому, что вам это нравится, а потому, что нет другого выхода.

И **перестаете** кричать лишь после того, как увидите, что они слушают, тогда вы вновь возвращаетесь к спокойному тону.

Крик, предостережение, угроза — и лишь с одной целью: получить возможность сказать нужное. В конце концов ребенок вырастет и, что вполне возможно, проигнорирует ваши советы. Но вы сделали все возможное, и этот ребенок не может

пожаловаться на то, что он ни о чем не знал.

В таком случае Бога можно сравнить со школьным учителем, который пытается воспитывать неприятных, эгоистичных и непослушных детей. У него нет намерения повергнуть нас в ужас, Он просто желает, чтобы мы спокойно и терпеливо Его слушали! Весьма ошибочно думать, что крик — Его «излюбленный метод работать»; а не вынужденная реакция на безрассудный, развращенный и порочный мир.

Если бы вы были Богом, то как бы вы отреагировали на молитву летчика, который во время Второй мировой войны совершил вынужденную посадку в Северном море: «Боже (если Ты **существуешь**), я не беспокоил Тебя последние тридцать лет, и если Ты поможешь мне выкарабкаться из этой ситуации, я не буду Тебя беспокоить еще столько же».

Не очень-то надежная основа для прочных взаимоотношений, не правда ли? То, что можно было бы назвать «Бог как средство спасения во время пожара». Господь, к Которому взывают лишь в трудную минуту, — личный, «аварийный выход». Похоже, что многие люди именно так и верят, обращаясь к Богу, лишь когда наступают тяжелые времена. Это только начало веры, я полагаю, и Бог, конечно, не отвергает никого. Мы внезапно осознаем опасность и просим Бога, чтобы Он спас нас. И Он это делает по-Своему.

Но нельзя, чтобы этим все и завершилось. Бог желает от нас куда большего — **никогда** не терять связи с Ним. Он кричит и предостерегает, и угрожает, чтобы овладеть нашим вниманием, а вовсе не для раболопной, униженной реакции, существующей до тех пор, пока в нас живет страх.

Страх не приводит к добру. Страх смерти зачастую рождает мысль, что Господь действительно требует от нас повиновения путем угроз. Однако стоит грому затихнуть и дыму развеяться — мы начинаем усмехаться над своей глупостью и «возвращаемся на круги своя», не думая более о нашем любящем Господе. Лишь раз за разом повергая в ужас, Бог может привести нас к послушанию, но Он все же отказывается поступать таким образом, ибо это не соответствует Его характеру.

Бог показывает нам Свою истинную Сущность не в те трагические моменты, когда вынужден «кричать», а в спокойном голосе любви к тем, кто действительно хочет **слушать**...

Илия испытывает душевные муки. После своего участия

в сокрушительной победе Бога над лжесвященниками Ваала на горе Кармил, после того, как он видел драматическое и ослепительное деяние Божье, — вдруг бежит и скрывается. Он боится гневного отмщения нечестивой царицы Иезавели.

Люди тоже потрясены. В величественном проявлении безграничной власти и мощи священный огонь пал на пропитанное водой приношение Илии, тем самым ясно показав реальность Бога и Его всемогущество. Победенные язычники в ужасе пали ниц и восклицали: «Господь есть Бог!»⁷. И какое-то время народ еще пребывал в этом убеждении. Но Бог знал — одно это потрясающее чудо не принесет нужного результата, поскольку обращение в веру имело ложную причину — панический страх и изумление.

Поэтому Бог решил предстать воочию Илие — Своему верному (хотя и испуганному) пророку. Вот Илия вышел на зов из своей пещеры. Необычайной силы ветер носился над землей, сокрушая скалы. Но не в ветре был Бог. Затем ужасное землетрясение покачнуло землю. Но не в землетрясении был Бог. После этого с ревом промчался всепожирающий огонь, сжигающий все на своем пути. Но не в огне был Бог. Три устрашающие сцены колоссальной мощи, находящейся вне человеческого контроля! Но Бог не был ни в одном из этих ужасных событий. И наконец, пришло легкое дуновение ветра, в котором и услышал Илия тихий голос — и это был Бог⁸!

Иногда Богу приходится кричать. Но Он все же предпочитает говорить спокойно и убедительно, показывая Свою истинную любовную заботу. «Тогда придите, и рассудим, говорит Господь»⁹.

Лишь по необходимости Бог вынужден обращаться к крику и угрозам. Но это крик опечаленного Господа, желающего спасти нас от самих себя. Он, может быть, пугает нас, но все равно идет на это в надежде, что мы, наконец, прислушаемся к Его обетованию спасения.

Спокойный тихий голос все еще говорит.

«Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах. Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Пусть шумят, воздымаются воды их, трясутся горы от волнения их... Остановитесь и познайте, что Я Бог: буду превознесен в народах, превознесен на земле. Господь сил с нами, заступник наш Бог Иакова».

Пс. 45:2—4, 11, 12

«Страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших».

1 Петр. 3:14, 15

ЧТО ЖЕ МОЖНО СКАЗАТЬ О СТРАХЕ ПЕРЕД БОГОМ?

Итак, теперь мы можем признать, что Бог (иногда) вынужден прибегать к «повышенному тону» для того, чтобы привлечь наше внимание. Чаще Он обращается все же со словами утешения, мира и ободрения. Но, даже соглашаясь со всем, что мы рассмотрели до сих пор, кое-кто может-таки с недовольством сказать, что мы должны и далее «бояться Бога». Ведь как нам тогда быть с библейскими текстами, повелевающими «бояться Бога»? «Убойтесь Бога и воздайте Ему славу, ибо наступил час суда Его», или «Начало мудрости — страх Господень»¹?

Во-первых, надо постоянно помнить, что Бог последователен. Не такой, как мы: сердимся, а через минуту уже любим. Он не противоречив и всегда действует целенаправленно, какими бы методами ни пользовался.

Поэтому, если Он — Бог любящий, то не может быть одновременно и гневным, и неприятным, и вселяющим страх! В Его характере нет несовместимых друг с другом черт. Это следует уяснить себе совершенно четко.

Как же нам тогда следует понимать Писание, читая в нем о «страхе Господнем»? Идет ли здесь речь о безотчетном ужасе, который возникает в присутствии всемогущего Творца?

Когда вы испуганы, вы не можете мыслить логично. Вас часто охватывает паника, и вы действуете под влиянием импульса. Этого ли желает Бог? Этот ли страх Божий действи-

тельно является **мудростью**? Эдмунд Берк как-то сказал: «Ни одна из эмоций не лишает разум всех его способностей к действию и логическому рассуждению в такой степени, как страх». Вы согласны, что это верно?

Поэтому не будем рассуждать о «страхе Божьем» такого рода. Парализующий разум испуг не может помочь понять Бога и построить правильные отношения с Ним. Нам не пристало «ничего бояться» — а это включает в себя и Самого Бога. Ибо дал нам Бог ужас не боязни, но силы и любви, и целомудрия.

Давайте же вновь вернемся к этому вопросу. В некоторых вариантах перевода Библии фраза из Откровения: «Убойтесь Бога...» звучит так: «Убойтесь Бога и восславьте Его величие!»

Речь идет не о попытке отразить величие Божье и Его власть и подчеркнуть всю нашу микроскопичность в сравнении с Ним. Но смущение вызывает слово «**бояться**», предполагающее послушание из страха перед наказанием, а это, как мы видели, не входит в намерения Божьи. Чествование. Уважение. Священное благоговение перед прекрасным, всемогущим и снисходительным Богом. Но не *малодушный страх*.

Как это было с очень многими словами, значение слова «страх» с годами изменилось. В английском переводе Библии, сделанном королем Иаковым в семнадцатом веке, слово «*бояться*», использованное здесь, следует понимать прежде всего как уважение и благоговение. Но, подобно словам «Бог ревнитель» и «особый» народ, упоминаемым в переводе короля Иакова, слова «страх Божий» понимаются нами уже не в первоначальном смысле. Современное слово означает **прежде всего** ужас, ощущение испуга, боязни. Обратившись к древним корням слова, мы открываем в Писании те значения почитания и благоговения, которыми и должно характеризоваться наше отношение к Богу. Вот почему во многих новых переводах Библии этот «страх Господень» осмыслен уже иначе.

Итак, ясно. «Страх Божий» в Библии никоим образом не следует понимать как ужас перед Богом. Во многих других религиях действительно есть достаточно причин для того, чтобы **бояться Бога** в буквальном смысле. Там Он угрожает. Он жесток и злобен. Если вы не ублажаете такого Бога, Он отомстит вам самым ужасным образом. Но если мы не желаем иметь Бога, подобного мстительным богам язычников, то не должны бояться или испытывать ужас перед нашим Богом.

Я будто слышу еще одно возражение типа: «Да, но...».

«Да, но если в нас нет добра, если мы не слушаем Бога, если мы не на Его стороне, то Он действительно явится как Бог, внушающий страх и несущий угрозу. Угроза наказания Божьего присутствует всегда!»

Возможно, что кое-кому действительно кажется так. И, конечно же, Бог не оставляет никаких сомнений относительно результатов греховных деяний. Зло несет с собой ужасающие последствия. И разве не это подразумевается, когда Бог угрожает мучениями тем, кто выказывает неповиновение? Этот вопрос мы подробно рассмотрим несколько позднее. А сейчас давайте вернемся к проблеме страха перед Богом.

Бог взирает как на тех, кто любит Его, так и на тех, кто не любит. С одной стороны, Он видит враждебно настроенных, охваченных страхом, напуганных людей — тех, кто решил отвергнуть Его. С другой же стороны, Он видит людей благодарных и исполненных доверия. Именно им Он говорит: «Страха их не бойтесь и не смущайтесь. Господа Бога святите в сердцах ваших»².

Поэтому, что бы ни значили слова «убояться Бога», речь не идет о страхе-ужасе. Но если мы бросим взгляд на многие религиозные системы нашего мира, то придем к заключению, что прав был тот, кто сказал следующее: «Страх — почти универсальный стимул для всякого религиозного обычая и верования».

К чему же тогда ведет страх-ужас? К верованиям, которые:

- лишают свободы выбора и права на принятие решения;
- уничтожают отношения доверия и дружбы, даже среди самых близких людей;
- вселяют тревогу, беспокойство и ощущение опасности;
- уносят надежду, останавливают прогресс и препятствуют идеям, направленным на продвижение вперед.

Финалом всего является рабская зависимость от этой наводящей ужас власти — неослабимая, фатальная и неизбежная.

Бог, вызывающий боязнь. Даже Иов говорит об этом: «Ты страшишь меня снами, и видениями пугаешь меня»³. Верно ли это? Действительно ли Бог действует подобным образом? Или здесь мы сталкиваемся с поэтической гиперболой Иова?

Иеремия также молится: «Не будь страшен для меня»⁴. Он как бы просит: «Боже, не допусти, чтобы я думал о Тебе, как

о вселяющем страх. Я не хочу страшиться Тебя». Безусловно, эти великие люди Божьи не думали о Боге в том недобром смысле, который мы упоминали ранее?

Конечно, нет. Под «страхом Божьим» они понимали изумление, благоговение, трепет, почитание, ощущение собственной незначительности и несовершенства в присутствии безграничной святости Бога Вседержителя. Но никак не ужас, не испуг и не тревожные опасения.

Интересно задавать людям вопрос: «Если бы вам пришлось встретиться с Богом прямо сейчас, что бы вы ощущали?» Большинство из нас (если быть честными) признается в своем страхе. Бог — Личность такого масштаба! А если прибавить к этому также известное чувство вины, которое все мы испытываем, то нам есть чего опасаться. Если бы мы всего этого не ощущали, то не были бы людьми, а Бог не был бы Богом.

Необходимо проводить различие между страхом перед Самим Богом и страхом за последствия сознательно выбранного зла. В конечном счете, зло приносит свое «вознаграждение»!

Бог, как мы уже выяснили, не желает, чтобы мы Его боялись. Нам не следует испытывать страх перед *личностью* Бога. Мы не должны воспринимать Его как *угрозу*. Его власть и чистота могут подавлять нас, и, подобно Исаие, мы будем ощущать свое полное бессилие и никчемность перед Богом. Но, будучи любящей личностью, Бог не может быть враждебной угрозой для нас.

Ранние христиане с надеждой ожидали возвращения Господа, Которого они так любили. Даже некоторые навевающие страх образы («всепоглощающий огонь», «пламенеющий огонь совершающегося отмщения» и т. д.)⁵ не пугали их. А почему? Потому что в то время понимали своего любящего Господа и знали, что Бог не обрушивал на мир отмщающих мучений, но очищал его от греха. Однако спустя всего лишь столетие или чуть больше, христиане уже молились, чтобы конец света не наступал. Почему? Потому что они стали **бояться** прихода «великого и ужасного Дня Господня». Они не хотели, чтобы явился карающий Судья. Поэтому молились, чтобы этот День не наступал, чтобы Господь отложил Свое пришествие. Как странно...

Такое отношение развилось потому, что эти верующие неверно понимали «страх Господень». Они ложно истолковы-

вали идею великого суда. И они ложно понимали природу своего Друга и возвращающегося Спасителя.

Поэтому давайте еще раз заглянем в будущее. Что мы **можем сказать** о суде? Если что-то и дает поддержку ужасному «страху Божьему», так это угрожающая картина нашего неведомого будущего, которое находится в руках у самого нелицеприятного Судьи.

«... и не говорю вам, что Я буду просить Отца о вас; ибо Сам Отец любит вас, потому что вы возлюбили Меня и уверовали, что Я исшел от Бога».

«Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь».

«Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него. Верующий в Него не судится...»

Ин. 16:26, 27; 5:24; 3:17, 18

СУД: ВИДЕНИЯ, НАВОДЯЩИЕ УЖАС

Полный мрак. Кромешная, густая тьма. Протираю растерянно глаза, чтобы проверить, не ослеп ли я, а в голове уже теснятся детские страхи, неведомые ночные ужасы.

Затем слышу удары барабана, отбивающего торжественный ритм, словно для размеренно марширующего каре, сопровождающего осужденного к виселице. Пронзительный рев труб — и внезапно меня ослепляет сверкающее сияние прожектора. В этом ярком луче света я, как в ловушке: я пленник, жертва, добыча. Хлыстом щелкают молнии, грохочут громы, оглушая меня своими раскатами.

Хочется куда-нибудь скрыться... Надо мной в круглой галерее появляются огромные престолы. Все пространство заполняется ярко-алым цветом, золотой филигранью и черным бархатом. Вызывающая глубокое благоговение величественная сцена. Таинственный колокольный звон скорбно отзванивает обреченным; раздаются неземные звуки причудливых аккордов гигантского органа; с ужасающим, режущим слух звоном звенит гонг. Кружится голова, дрожь сотрясает все тело, сердце замирает. Я вот-вот упаду замертво, подобно охваченной ужасом мыши. Вокруг и надо мной разворачивается жуткая картина Суда во всем своем величии.

Мне хочется провалиться в тартарары. Вдруг я чувствую на себе уличающие взгляды миллионов и миллионов глаз. Чьи-то

руки повелительно указывают на меня. Я дико озираюсь в отчаянной попытке найти какой-то выход, но всюду вижу обвинителей, восклицающих: «Виновен! Виновен!». Охотники получили добычу для принесения в жертву, обвиняемый трепещет, преступник сжимается, слыша справедливое осуждение. Громкий властный голос свыше эхом отзывается со всех сторон: «**ДА НАЧНЕТСЯ СУД!**»

Мне хочется умереть.

Я закрываю глаза и покорно жду, когда опустится топор. Жду... жду... Умоляю: «Пожалуйста, пусть все это скорее кончится. Я виновен! Признаюсь. Только давайте побыстрее. Не мучайте меня больше. Пожалуйста...»

Однако ничего не происходит. После бесконечного, мучительного ожидания я медленно открываю глаза. Некто в белом тихо улыбается мне. Он берет меня за руку и ведет за собой.

— Но как же со всем этим?..— я поворачиваюсь и киваю на теперь уже не существующий зал суда, на указующие пальцы и крики: «Виновен!» Все это исчезло. Что случилось с судом? Разве меня не должны были приговорить? Ужасное осуждение и все такое?... Как же быть со зловещей картиной последнего суда Божьего?

— Он не такой,— мягко говорят мне.

— Ну, да! Ну, а как же быть с текстом: «Всем нам предстоит предстать пред судебным престолом Божьим»,— или что-то в этом роде? А как же проповеди: «И Бог безжалостно сокрушит всех своих неверных слуг»?...

— Все не так.

— Но «озеро огненное» и «град серный», и сожжение в муках нарушивших закон? Вот как выглядит библейский Суд, и это должно произойти! «В пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога».— Я улыбаюсь про себя: я хорошо знаю тексты, но этот бедняга, похоже, не знаком с Библией! «Мне отмщение, Я воздам,— говорит Господь». Для того, чтобы быть воистину благим и праведным, Бог должен излить Свой гнев на строптивых неверующих и страшно покарать всех тех, кто отказывается повиноваться Ему. Ведь это **справедливо**. Часть вознаграждения праведным заключается в том, что они избегнут того сожжения живыми, которым будут наказаны нечестивцы.

Однако человеку в белом нет **нужды** говорить: «Это не так». Я вижу по его опечаленным глазам. Он вздыхает: «Вы искренне

так думаете? Что же это тогда за финал? Какова же причина быть добрым? И каким нужно быть человеком, чтобы сказать: «Делай так, как я говорю, а иначе тебя живым сожгу?»

Он попал в точку! Лишь преступник, диктатор или тиран может так сказать. Действительно ли Бог таков? Но ведь то, что я вижу, и должно быть концом. Добро должно, наконец, быть отмщено. Бог должен доказать Свою правоту. И нечестивцы **должны** получить то, чего они заслуживают!

Человек в белом медленно поворачивается ко мне, словно читая мои мысли. Глядя мне прямо в глаза, он спокойно спрашивает: «А чего заслуживаешь ты?»

Я молчу. Вряд ли сейчас место и время для того, чтобы поспешно излагать все то хорошее, что есть в моем послужном списке.

Чудовищная картина Суда. «Некое страшное ожидание суда»¹. Масса вопросов! Но в центре всего стоит один самый главный: «*Каков Бог?*» Действительно ли Он намерен угрожать нам, пугать нас Собой? Использует ли Он «гонимого пса ада» для того, чтобы мы устрашились и обратились в веру? Может быть, эта доктрина об аде подобна дамклову мечу, занесенному над нашими головами, постоянной угрозе, которая побуждает нас принять Бога из страха перед той альтернативой, которую Он нам предлагает?

Это не так, судя по всему, что мы до сих пор видели. Но тогда что же такое ад? Как уже многие поняли, Бог любви и Бог ада являют собой полную противоположность. Вселяющие ужас описания страшного суда не могут сделать нас друзьями Бога. Проповедь, опирающаяся на адское пламя, не в состоянии помочь нам, поскольку она порочит Бога.

Трагично, что некоторые одаренные проповедники Божьи использовали ложную доктрину ада в стремлении привлечь людей к вере.

Джонатан Эдвардс в своей знаменитой проповеди «Грешники в руках гневного Бога» яркими и жестокими словами описывает судьбу нечестивцев. Как мальчишка раскачивает паука над костром, так и Бог раскачивает нас над пламенем ада. Вы привели Его в **ярость**, Его **гнев** пылает, как огонь, в Его глазах вы подобны **отвратительному насекомому**. Когда Он внезапно

отпускает вас, а вы, кувыркаясь, летите в эту ужасную огненную пропасть, Бог не испытывает ни сострадания, ни желания облегчить вашу агонию. Он равнодушно наблюдает за тем, как «души» Его детей гибнут навечно. Это не убийство из милосердия. Это прямо противоположное — жестокое мучение слабого и беспомощного всемогущим «божественным диктатором». И конца этому нет.

Тертуллиан одобрительно отзываясь об этом убийстве и о том, насколько оно превосходит любое убийство, совершенное простым смертным. Ад, по его словам,— это вечное наказание Божье.

Иоанн Златоуст тоже указывает на невыразимые мучения вечного сожжения, которые никогда не прекратятся, а будут длиться **год за годом — бесконечно**.

Лютер ярко описывает муки ада, в которых страх, ужас, жуть и отчаяние сопровождают проклятого, корчащегося от вечной боли в неугасимой огненной печи.

Сперджен в своем «Описании ада» использует драматические и зловещие образы, рассказывая о грешниках, истекающих кровавым потом, тела которых непрерывно бьются в агонии, а каждая клетка ощущает жгучую боль, каждый нерв, как струна, на которой дьявол играет свою сатанинскую мелодию...

И, наконец, в этом ряду писавших об аде стоит упомянуть о некоем Дж. Ферниссе, авторе *«Небольшого тома для детей»*. Мальчик стоит в темнице ада. Он в полном отчаянии. Языки пламени вырываются из его ушей и изо рта, а глаза его подобны горящим углям. Слышны звуки вскипающего чайника. Но это не чайник. Это звук крови, вскипающей в обожженных венах мальчика, и костного мозга, вскипающего у него в костях!

Можно долго продолжать этот леденящий душу каталог мистически вдохновленного ужаса. Тот ли это Бог, Который говорит: «Не бойтесь!»? Как такое может быть?

Да, суд будет окончательным. Он ознаменует конец зла и греха. Нечестивые получают то, что вытекает из отвержения ими Бога. Но вправе ли мы изображать Бога совершенно безжалостным, равнодушным и глухим к крикам боли, причиняемой в результате определенного Им наказания? Это ли «истинные и праведные суды»? Нет. Это не Бог и это не Его путь. Страдая от того, что Ему предстоит потерять Своих нераскаившихся детей, Бог говорит: «Как предам тебя?»³.

Измышления о мучениях и вечной боли, наполняющие обычно изображения последнего суда,— результат порочащей Бога работы, которой занят величайший из обманщиков, сам сатана. Ибо если мы идем к Богу из чувства страха, то сатана победил, и Бог действительно тиран, и Он не достоин нашей любви.

Но откуда тогда эти трудные тексты? Почему идея ада столь часто неверно понимается теми, кто желает говорить за Бога? Что можно сказать по поводу отмщения, «языков огненных» и гнева Божьего? Что они означают **в действительности**?

Во-первых, как мы уже видели, в картинах суда отражено влияние наших личных идей о «справедливости» и «отмщении». Люди **хотят**, чтобы Бог воздал злом каждому, кто сотворил зло им! Поэтому и описания ада окрашены человеческими желаниями. Во-вторых, Бог вынужден говорить нашим языком. Точно так же, как Он явился израильтянам на Синае с землетрясением, громами и огнем для того, чтобы они хотя бы **выслушали** Его решительное обращение и чтобы не возникало никаких иллюзий относительно ужасной судьбы тех, кто отказывается принять Его любовь. Бог не лжет, описывая конец грешников. Язык может быть образным, однако остается верным все то, что касается последствий отвержения Бога. При этом следует помнить: Бог не стремится установить с нами связь угрозами или страхом — ибо это было бы крушением всех Его целей.

Итак, давайте возьмем в качестве примеров тексты, которые часто используются для оправдания веры в мстительного Бога и в вечно пылающий адский огонь.

«В пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога»⁴. Если отмщение Бога подобно нашему, то у нас есть все основания для страха! Но как становится ясно из более полного ознакомления с Писанием, Бог не обрушивает Своё мщение на грешников за их неповиновение, позволяя им самим пожинать плоды собственного выбора⁵. Конечный результат — полное уничтожение нечестивых. Однако Богу нет радости ни в их смерти, ни в их страданиях, какими бы «оправданными» в наших глазах они ни были⁶.

«Где червь их не умирает, и огонь не угасает»⁷. Из этих слов кое-кто может сделать вывод о существовании места вечных мучений — то есть ада в его традиционном изображении. Но

в данном тексте мы имеем дело с описанием геенны — древней тлеющей мусорной свалки рядом с Иерусалимом, на которой **избавляются** от мертвых тел животных и всякого мусора. **Избавляются** — в данном случае ключевое слово. Поскольку черви не умирают и огонь не угасает, **пока работа их не будет выполнена**. Когда весь мусор будет **поглощен**, настанет конец и этим инструментам уничтожения.

Огонь последнего времени, предназначенный для нечестивцев, — это всепожирающий огонь. Бог не сохраняет грешников живыми в языках пламени Своей чудесной силой (что это был бы за Бог?). Он позволяет свершаться разрушительным последствиям финального раскрытия Своей славы **до тех пор, пока не останется ничего**:

«Ибо вот, придет день, пылающий как печь; тогда все надменные и поступающие нечестиво будут как солома, и попалит их грядущий день, говорит Господь Саваоф, так что не останется у них ни корня, ни ветвей»⁸.

И, наконец, что можно сказать по поводу «вечного огня» «на веки веков»⁹? Как и в случае с вышеописанными червями и огнем, этот огонь вечен лишь по своим результатам, но не по продолжительности горения! В Писании слово «вечный» зачастую относится к периодам небольшой продолжительности¹⁰.

«Как Содом и Гоморра, — говорит Иуда, — и окрестные города... подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример»¹¹. «Огня **вечного**» — обратите внимание. Но сейчас огонь уже не горит... Он угас, когда все сгорело дотла. И они «поставлены **в пример**». Пример чего? Как пример финального огня последнего времени, который также полностью уничтожит нечестивцев¹².

Заодно можно также отметить, что вера в вечный ад тесно связана с доктриной бессмертия души. Но если бы душа действительно была бессмертна и не могла умереть, то логично было бы предположить, что уничтожение нечестивцев будет происходить вечно. Однако Библия говорит: «Душа согрешающая, она умрет» и Бог «Единый имеющий бессмертие»¹³. Поэтому представляется вполне уместным проверить это традиционное предположение о «бессмертии души» по Библии и посмотреть, так ли оно верно!

Если вы творите добро во имя Божье, чтобы избежать языков адского пламени, то тем вы служите Богу, имеющему большую дубину в руках, а не раны от гвоздей. В финале наш любящий

Отец с печалью будет наблюдать, как Его мятежные дети пожирают урожай, который они посеяли... Никакая жизнь не может существовать вне Бога, и тем, кто отделяет себя от Него, будет позволено получить то, чего они заслужили, — неизбежные результаты избранного ими пути отрицания Бога и Его любви, спасения и вечной жизни. Вот в чем в действительности заключается ад — в вечном отделении от Бога после того, как Он «предаст нас»¹⁴.

Альтернативой вечной жизни является вечная смерть, и в ней заключается печальный итог для тех, кто «не знает Бога». Вечное уничтожение в точности подобно «вечному» огню, поглотившему Содом и Гоморру, — оно навечно по своим результатам.

Ужасный образ Бога «огня» исходит от сатаны. И никакие искаженные идеи о справедливости не смогут сделать эту демоническую картину верной! Ибо суд означает справедливость: что Бог полностью оправдан, что правое **все** считают правым, что истина признается повсеместно¹⁵. В ином же случае — если остается недоверие и сохраняется страх, — зло будет существовать вечно, а характер Божий будет вечно подвергаться сомнению.

Суд, пришествие Господа — это **добрая весть**. Нам следует утешать друг друга (избавляясь от страха) **такими** словами: «Итак нет... никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе»; «Верующий в Него не судится»; «Слушающий слово Мое и верующий в Пославшего Меня имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»¹⁶.

Наша надежда состоит не в том, чтобы избежать ада, и не в том, чтобы перейти в некий духовный мир или в смерть, — но в великом пришествии нашего Друга и Спасителя в День воскресения. Этот суд не несет с собой никаких ужасов, а лишь счастье в вечной жизни для тех, кто любит Бога, и печаль в тех и для тех, кто Его не любит. Как указывается в притчах Иисуса, они не будут участвовать в брачном пире, не для них обетование, и они не будут допущены в присутствие Господа. Для них это конец, а для Бога — трагическая утрата, когда дети Его умирают в Его присутствии. Раскрытие славы любви Божьей уничтожит их.

Но подобная судьба нечестивых не является угрозой. Это не ультиматум Божий. Он приобретает нас посредством Своей любви, проявленной на деле, — именно Крест побуждает нас стремиться к Богу, а не угроза ада.

«Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он. В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас».

1 Ин. 4:16—19

«Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления».

Рим. 8:15

СОВЕРШЕННАЯ ЛЮБОВЬ ИЛИ РАБСТВО, ОСНОВАННОЕ НА СТРАХЕ?

Но все же вопросы остаются, отдаваясь эхом в темных закоулках нашего разума. Ибо страх кажется совершенно **естественным** — составной частью того пути, который мы избрали. Мы можем принять во внимание все, что уже было сказано, но при этом далеко не избавиться от боязни.

Подобно вирусу какой-то ужасной болезни, страх полностью поражает нашу личность. Какими бы образованными и высоко стоящими над всем мы себя ни ощущали, **он все же таится в нас!** Живут в нас и страхи, и тревоги, и угрозы. Нездоровье во всех его формах; мучительная боль умирания, которой мы страшимся; маленькие дети, гибнущие от лейкемии; стоны агонии жертв рака; медленное таяние при мышечной дистрофии. Сама смерть со мраком неизвестного; и те, кто остается,— друзья, родственники,— наблюдающие ее приход в безутешном отчаянии.

А все эти двести тринадцать фобий, определенных психологами,— неврозы от тревог увечного и хромого мира? Каковы бы ни были ответы, *основные* страхи человечества остаются — в силу того, что мы не в состоянии найти внутри себя надежную опору. Вы можете говорить испуганному ребенку все, что угодно, но можете ли вы убедить его в том, что бояться нечего? Вы можете говорить себе, что никаких причин для страха нет, и все же испытывать его. Два примера:

Восьмилетний Эммануэль пошел со мной на красивый песчаный пляж в Дании. Какой-то добрый человек оставил на берегу самодельный плот, сделанный из старых пластмассовых канистр. Решив, что он может с ним управиться, Эммануэль самостоятельно греб вдоль берега, не отдаляясь от него, а я наблюдал. Потом начался отлив, и плот стал потихоньку отдаляться от берега! Я закричал Эммануэлю, чтобы он спрыгивал (глубина еще была достаточно небольшой для него) и выбирался на берег. Но, нет. Он не хотел.

— Почему?

— Потому что акулы!

— У берегов Дании не бывает акул.

— Все равно. Я только что посмотрел «челюсти», и в воду не пойду.

И что бы я ни говорил, я не мог заставить Эммануэля двинуться с места, а плот медленно увлекало в море. Может быть, ребенок в своём живом воображении уже видел треугольный плавник, а в ушах его звучала тревожная музыка из фильма: «Дам-дам-дам-дам»!

В конце концов, мне пришлось плыть к нему и вытаскивать на берег. Притча о действиях Бога в схожих ситуациях?

Но здесь видна не просто детская глупость. Вот я спокойно прогуливаюсь по живописному берегу реки с биноклем в руках. Весна — во всей красе ее цветов и зелени деревьев. Перекликаются сороки, слышны соловьиные трели — поистине безмятежный день. Я поднимался по заросшему травой склону холма и вдруг: «РЕВ! — ВРРРУМ!! УИИИИИ!!!» (Простите мне, пожалуйста, звукоподражание и восклицательные знаки. Язык не в состоянии описать ЭТОТ совершенно невероятный звук).

Я бросился на землю, когда прямо над моей головой пронесся, извергая пламя, ужасный призрак в сером саване.

— Это просто один из наших истребителей в тренировочном полете, сэр. Ничего страшного.

Ха! Он привел меня в полное оцепенение. Совершенно непонятно, зачем ему пушки и ракеты. Этой трубе достаточно просто пролететь над противником, и все враги умрут от страха.

Итак, состояние ужаса. Путь, которым мы часто идем. То, как мы зачастую реагируем на окружающее. Жертвы своего собственного рабского страха, возникающего от **незнания**, невежества. Я могу рухнуть на землю лицом вниз, оттого что низко надо

мною пролетел истребитель, а пластмассовые акулы в кино все еще могут пугать детей.

Но **реальным** страхам жизни может быть положен конец. Как же перестать быть их **рабами**? Бог говорит нам: «*В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх*»¹.

Это тот самый текст, который нужен всем, кто испытывает боязнь. В нем заключены ответы на все страхи мира. Поскольку Говорящий — Бог, а Он и есть любовь **по определению**². В любви не может быть места страху. Он связан только с неуверенностью, с нехваткой доверия и с серьезными сомнениями в некоей личности. Но правильное отношение к Богу (которое основывается на любви) содержит обетование, внушающее полное доверие,— поскольку нам **известны** Его истинные природа и стремление.

Совершенная любовь одолевает страх. Это совершенство любви исходит от Бога. Страх снимает не столько наша любовь к Богу, сколько Его любовь к нам. Как говорит Писание: «Будем любить Его, потому что Он прежде полюбил нас»³.

Речь идет не о мягкой, сентиментальной любви в ее гуманных формах. Любовь от Бога, уничтожающая наши страхи,— это грубый, кое-как отесанный крест. На этом жутком инструменте мучений была явлена бесконечная любовь Бога к нам. Как же мы **осмеливаемся** говорить, что Бог, в Свою очередь, является мучителем, что Он обрушит безжалостное отмщение, что Его жестокость немыслима? Это абсурд. Поскольку то, **каков** Он и что Он **делает**, исключает само понятие о страхе.

Как говорится далее: «Совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение»⁴.

Если мы ожидаем, что Бог придет и жестоко накажет нас, мы не можем не бояться. Но,— помните,— Он Тот, Кто приходит со словами ободрения, Он вызывает наше доверие, говоря: «Не бойтесь!». И не просто словами, но подтвердив это Своими действиями, совершенно ясно раскрыв в жизни, смерти и воскресении Иисуса. Это веское доказательство истинной природы Бога. В Его намерения входит не «добраться до нас», но любить нас.

Помню, как я стоял перед кабинетом директора школы в ожидании взбучки. Я боялся того, что мне предстояло, и ненавидел директора. Ничего хорошего в этом я не видел. Вся ситуация представлялась мне очень обидной, особенно с учетом того, что я должен был понести наказание совершенно безвинно.

Конечно, иногда Ему приходится «отшлепать нас и поставить на место» для нашего же блага. Но действительно ли суд последнего времени — это наказание с целью исправить? Нет. По крайней мере, для большинства из нас он означает, что Бог в результате отворачивается от всех Своих нечестивых и непослушных детей. Нас может, конечно, смутить, что высшее существо применяет Свою власть над более слабыми, чтобы причинить жестокую боль и душевные муки. Может вызвать недоумение и несоответствие «вечного мучения» и «наказания» земному преступлению. Но пути Божьи не всегда понятны.

Хотя подобного рода аргумент не всегда может быть хорош. Просто для того, чтобы Бог был верен Самому Себе, последний суд не должен рассматриваться как очередная угроза страшного наказания. Это бесповоротный неизбежный *конец* тех, кто избрал путь вне Бога. Поскольку *страх* действительно вынужденно связан с *наказанием*.

Итак, мы вновь вернулись к тому, что мы думаем о Боге, как мы понимаем Его природу и характер нашего отношения к Нему. Поэтому давайте возьмем утверждение: «Совершенная любовь изгоняет страх»⁵, — и применим его.

Помните, что **Бог** первый полюбил нас. Сама Его сущность есть любовь. Своим существованием мы, Его дети, обязаны Ему. Он отдал Себя нам с тем, чтобы мы могли вечно пребывать с Ним. Божья совершенная любовь изгоняет страх из нашего сердца, когда мы отвечаем Ему.

Как?

Давайте возьмем ужасный страх перед смертью, который преследует нас в ночных кошмарах и при свете дня. Это тема, о которой не говорят. Это то, что никогда не происходит с вами. Это неизбежность, ожидаемая в конце нашего пути.

Смерть.

Каким образом Бог изгоняет **этот** всепроникающий страх? «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть, диавола, и **избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству**»⁶.

Вот как. Ибо через бесценный дар Иисуса мы все можем иметь доступ к вечной жизни, если сделаем нужный выбор. Вечно пребывая с Богом, можем ли мы бояться вмешательства смерти? Когда Иисус вернется для того, чтобы взять всех тех,

кто любит Его, домой, «тогда сбудется слово написанное: «Поглощена смерть победою». «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»⁷.

В нас нет более страха перед смертью! Нам вообще нет нужды «страшиться»! Сам Бог не желает, чтобы мы были рабами страха, ибо мы дети Его: «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления...»⁸.

Теперь Бог берет на Себя заботы о ваших страхах. Может быть, не мгновенно, может быть, не сразу. Но когда Он дает вам ответы, вы можете довериться Ему, предоставив «изгонять» страхи. Мы «не убоимся зла»⁹.

Неведомые страхи? Тревога, как бы не попасть в ловушку? Боязнь темноты? Страх перед насилием? Ужас перед какой-либо болезнью? Вот вам ответ: «Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы. Перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его. Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень»¹⁰.

Бог может позаботиться о вас, **независимо от того**, что страшит вас, пугает вас, ужасает вас. Избрав образ матери-птицы, защищающей свое потомство крылом, Бог с любовью призывает нас под Свою защиту, положив конец всем страхам. Прискорбно, что приходят немногие. Подобным же образом Иисус рыдает по тем, кто не придет к Нему за жизнью, — *вечной* жизнью, свободной от страха:

«Сколько раз хотел Я собрать чад твоих, как птица птенцов своих под крылья, и вы не захотели!»¹¹

Что же можно сказать о тех, кто отказывается отвечать на Божью любовь, кто желает и далее жить в страхе? В конце, когда «люди будут издыхать от страха»¹², они увидят возвращение Иисуса на нашу землю. Но вместо приветствия любящему Господу, они изрекут одни проклятья. Глазам их будет больно, совесть начнет мучить укорами, что сами они поставили себя вне помощи от Бога. Поэтому люди будут призывать горы и скалы обрушиться на них, чтобы скрыть их от лица Божьего.

Те же, кто ждет возвращающегося Бога как Друга, заговорят совершенно по-иному: «Вот Он, Бог наш! На него мы уповали, и Он спас нас»¹³.

Надежда воплотилась, обетование исполнилось, цель достигнута.

Глава одиннадцатая

ДРУЗЬЯ БОГА

— **С**той! Кто идет?

Оклик часового, который призван охранять. Он тревожно всматривается в темноту, стараясь разглядеть незнакомца. Вражеское нападение или дружеский визит? Чрезвычайная ситуация или ложная тревога?

Сколько же раз этому солдату нужно окликать, прежде чем он нажмет на курок!

Нам в напряженном, испуганном состоянии точно так же необходимо знание. Прежде всего — о Боге. Враждебный ли Он или дружественный? Противник или союзник? На чьей стороне Он?

Помните пример, в котором мы рассматривали, как Бог предупреждает: «Не бойся!»? Речь тогда шла об Аврааме. Какие отношения существовали между ними? «Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим»¹. Другом Божьим. Почему? Потому что он делал то, что было ему сказано? Слуга сделал бы то же самое. Или потому что он был добрым человеком? Но такими были и многие другие — даже если у них не было времени для Бога. Потому что Авраам был до такой степени запуган, что, не рассуждая, принял Бога? Нет. Это сделало бы из него просто лебезящего подхалима или робота, действующего по принуждению. Он назван **другом** — это точнее всего отражает близость отношений

между Богом и Авраамом. Между ними была **взаимная** дружба. На этом же строилась связь и между Моисеем и Богом. «И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим»².

В любви нет места страху. Друзья *не боятся* друг друга. Дружба всегда взаимна, она основывается на признании и понимании. Непосредственно перед концом своего земного служения Иисус говорит ученикам: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего».³

Как возникает дружба? Время, проведенное вместе; узнавание друг друга; общее согласие относительно того, что есть истинно и верно, вот так зарождается дружба. **Узнавая** Бога, мы становимся Его друзьями. Мы видим Его истинную природу, убеждаемся, что Он вовсе не **враг**, каким Его описывает дьявол. Соответственно, мы начинаем любить Его, ибо Он прежде полюбил нас. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего единородного...» — для чего? «Потому что Бог во Христе примирил с Собою мир»⁴. Не примирил Себя с миром, обратите внимание. Проблема заключается не в Боге, но *в нас*. Мы отделились от Бога, стали враждебными и отчужденными от Него.

«Беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом вашим», поэтому вы «отчуждены от жизни Божией»⁵. Но Бог предоставляет ответ, являет свой истинный, любящий характер: «И вас, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле плоти Его, смертью (Его), *чтобы* представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования»⁶.

Вот в чем истина. Некогда мы были врагами Бога. Но теперь можем стать Его друзьями — когда общаемся с Ним, принимаем Его помощь. «Будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его»⁷. Крест — доказательство, Его способ убедить нас и спасти. Обратит нас из врагов в друзей.

Если это верно, можем ли мы бояться? Прежде всего, мы не должны бояться Бога, Который столько сделал для нас — и какой огромной для Себя ценой! Милостивый Бог приглашает даже всех тех, кто был Его вероломными, злейшими врагами, стать Его любящими друзьями. Не силой. Не под угрозой

наказания. Но посредством ясного свидетельства Своей любви, вновь и вновь повторяя: «Не бойтесь!» Жизнь и смерть Иисуса — доказательство тому.

Цель Иисуса заключалась в том, чтобы положить конец разmolвке, восстановить разрушенные отношения. Он — «Друг, более привязанный, нежели брат», Друг, который «любит во всякое время»⁸. Великое Его «преступление», когда Он пришел, заключалось в том, что Он был «Друг мытарям и грешникам»⁹. Вот почему наиболее прискорбным в истории заботливой помощи Божьей является то, что Иисус пришел к Своим друзьям, а друзья Его не приняли. Бог был нежеланным. Когда Иисуса просят объяснить, откуда на Нем раны, следует трагический ответ: «оттого, что Меня били в доме любящих Меня»¹⁰.

Поэтому не удивительно, что **более всего** Бог желает нашей искренней дружбы. Помните ученика Иисуса Петра? Резкого и горячего, который думал, что многое он может сделать сам, но так часто терпел неудачу? После того, как он трижды отрекся от Иисуса, после всех его ошибочных поступков, о чем же его спрашивает Иисус?

«Симон Ионин! **любишь ли ты Меня?**»

На что Симон отвечает, испытывая сердечные муки за все свои предыдущие деяния: «Господи! Ты знаешь, что **я люблю Тебя**»¹¹.

Как вы можете испытывать страх перед другом? Особенно перед таким Другом, Который исчерпывающе доказал Свои намерения и Свой характер. Он действительно надежный Друг, Который придет на помощь, чтобы спасти!

Я играл роль доброго дядюшки. Двоим моим племянникам тогда было четыре и два года. Они утащили меня в какие-то старые заброшенные сады, находившиеся по соседству, — самое чудесное место для того, чтобы играть в прятки. Итак, после того, как несколько раз Эммануэль и Алекс искали меня, мы поменялись ролями. Я должен был стоять перед старым тисовым деревом и считать до ста, пока они будут прятаться (большое число, я бы сказал!). Но я согласился. Я слышал, как они, треща и шурша, бегали вокруг, подыскивая укромные местечки: внутри живых изгородей, за низкими стенами, на деревьях. Я крикнул: «...девяносто девять, сто! Я иду искать, кто не спрятался, я не виноват!»

Они действительно хорошо притаились. Я не мог найти их нигде. Спустя какое-то время я слегка забеспокоился и начал звать их. Они не отвечали. Вскоре я уже бегал взад и вперед, впадая в панику. Наконец, завернув за угол, я увидел Эммануэля. Он испуганно смотрел в большую запруду с застоявшейся водой. На поверхности ее то и дело появлялся Алекс перед тем, как вновь погрузиться. Я прыгнул в воду и вытащил беднягу, которого уже тошнило.

К счастью, «купание» обошлось для него без особенных последствий, но от ужаса его всего мутило; по дороге домой он трясся и вздрагивал от страха. То, что он испытал, было действительно **страшно**. Затем мне пришло в голову, что я мог бы искать их в другом месте, пока не стало бы уже слишком поздно. И тут испугался я!

Не есть ли Господь Тот, Кто приходит вытащить нас из мрачной липкой запруды зла; Тот, Кто приходит, чтобы найти и спасти нас, барахтающихся, захлебывающихся, до того, как мы утонем.

Алекс, каким бы маленьким он ни был, осознавал, что находился в опасной ситуации. Он был рад меня увидеть. Он испытывал благодарность за то, что я его спас. Как мог он меня бояться? Как он мог назвать меня иначе, чем другом?

Бог делает для нас то же самое. Мы — словно давно потерянные сыновья из притчи о блудном сыне, хотя эта история куда больше говорит о любящем *отце*, чем об отступнике-сыне.

Мы — те, кто убежал. Мы гонимся за всеми «приятными» вещами жизни и растрачиваем свое наследство. А затем, когда наступает полный крах, когда со всех сторон обступают ужасные страхи, тогда мы вспоминаем об Отце. Может быть, Он примет нас вновь? (Не как сына, а хотя бы как наемного работника. Совершенно очевидно, что мы и Отца своего не знаем достаточно хорошо).

Долго мы идем домой длинной пыльной дорогой. Любящий Отец издали замечает нас и бросается навстречу. Наши слезы сожаления о прошлом и слезы счастья от возвращения домой смешиваются со слезами радости Отца. Отец простил нас задолго до того, как нам приходит мысль раскаяться. Нам следовало бы лишь прийти к Нему, чтобы узнать об этом! Как только мы принимаем Его, все меняется. И теперь, получив от Него совершенно новую жизнь, мы ожидаем вечности вместе с Ним — с нашим Отцом и Другом.

Это никоим образом не означает, что мы и далее, после отпущения грехов, можем поступать так, как нам заблагорассудится, ибо когда мы любим нашего Бога, когда Он становится нашим Другом, мы более не желаем делать что-либо против Его воли или что-либо, причиняющее Ему боль. Мы более не желаем «снова распинать в себе Сына Божия и ругаться Ему».¹² Нет. «Ибо это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его»¹³.

Вот почему Иисус говорит: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам»¹⁴.

Это вовсе не означает, что любовью можно повелевать. Мы не можем сказать человеку: «Я приказываю тебе быть моим другом!» Из этого просто ничего не выйдет. Но если мы намереваемся установить дружеские отношения с Богом, то должны признать Его пути верными, а все, что Он говорит и делает, — действительно **верным**. Бог предоставил нам свидетельства. Теперь нам необходимо **самим** принять решение.

Бог за нас. Бог с нами. «Се, — говорит Он, — Я с вами во все дни до скончания века»¹⁵.

А потом? После конца времени? Тогда Бог будет пребывать с нами вечно. «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их; и отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло»¹⁶.

Бог — наш Друг навеки. Прежний страшный, вселяющий ужас порядок вещей ушел. Устранено все, что заставляло нас бояться. Страхам положен конец **сразу же**, как только мы **узнали** Бога, как нашего Друга. Мы **знаем**, что Он полностью управляет всем. Мы **знаем**: что бы ни случилось, Он спасет нас и восстановит Свое вечное царство. И мы **знаем**, что можем положиться на Него во всем. Но прежде всего мы должны стать Его друзьями — полностью доверившись Ему. Но?

Как вы становитесь друзьями? Проводя вместе время, разговаривая и слушая, понимая друг друга. Обращенная к Богу молитва — это беседа с Ним как с Другом. Во время молитвы вы внимаете Его ответам. А Библия — книга, в которой также содержатся ответы Бога. Поэтому читайте ее, открывайте для себя Бога, Который может устранить всякий ваш страх.

«Что мне делать для того, чтобы спастись?» — некогда спросил один запуганный человек. «Веруй в Господа и спасешься», — последовал ответ. Спасешься от зла, спасешься от самого себя и спасешься от своих страхов.

Вера в Бога означает, что мы целиком отдаемся Ему, полагаясь на Его совершенную любовь. Это означает — принять Его полностью таким, КАКОВ ОН ЕСТЬ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ. И это означает, что мы должны, преклоняя колени пред Его крестом, молить с сокрушенным сердцем: «Боже, я люблю Тебя. Твоя любовь ко мне привела Тебя к этой ужасной смерти. Теперь, Боже, мой Друг, я понимаю это. И я хочу быть с Тобой, отныне и вовеки. Так как Ты умер за меня, несмотря на то, что я был Твоим злым и ненавидящим врагом»¹⁷.

В этой любви есть принятие Бога и Его «повелений».

В этой любви — исцеление от проклятия греха.

В этой любви — жизнь вечная.

И в этой любви исчезает всякий страх.

Бог дает нам три противоядия от страха: уверенность, мужество и мир. Уверенность — ибо «Бог будет упованием твоим»¹⁸. Мужество — ибо вновь и вновь Господь призывает нас не бояться, черпать в Нем мужество и силу¹⁹. И мир — мир Божий, который проходит через все понимание, данное вам Богом мира²⁰. Как говорит Иисус: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается»²¹.

Бог побеждает все страхи. Вот в чем Его послание. Оно дано для того, чтобы им делиться, для того, чтобы успокоить наш тревожный мир, положить конец правлению ужаса, ожидать того дня, когда Он придет. Но более всего это Божье послание к вам означает:

Вы и Бог — друзья.

С Богом вам нечего страшиться.

Не бойтесь!

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 4

- ¹ Быт. 3:9, 10.
- ² Быт. 15:1.
- ³ Быт. 26:24.
- ⁴ Быт. 21:17.
- ⁵ Быт. 26:24.
- ⁶ Исх. 3:6.
- ⁷ Исх. 20:20.
- ⁸ Втор. 31:8.
- ⁹ Ис. Нав. 8:1; 10:8; Пар. 22:13; 13:20; Агг. 2:5; Пл. Иер. 3:57; Дан. 8:1.
- ¹⁰ Суд. 6:23.
- ¹¹ Ис. 44:6, 8.
- ¹² Лк. 2:8-10, 13, 14.

Глава 5

- ¹ Лк. 1:73—75.
- ² Мф. 14:27.
- ³ Ин. 1:18.
- ⁴ Ин. 14:7.
- ⁵ Мк. 5:36;
- ⁶ см. Ин. 12:15.
- ⁷ Ин. 14:27.
- ⁸ Лк. 12:22, 25, 29, 32.
- ⁹ Мф. 14:31.
- ¹⁰ Мк. 5:33, 34.
- ¹¹ Мф. 10:31.
- ¹² Мк. 4:40.
- ¹³ Мф. 17:5-8.

Глава 6

- ¹ Ис. 41:10.
- ² Ис. 43:1.
- ³ Ин. 20:19, 21.
- ⁴ Ин. 20:27.
- ⁵ Откр. 1:17, 18.
- ⁶ См.: Ин. 14:1—3.
- ⁷ Ин. 11:25.
- ⁸ 1 Кор. 15:22, 26, 51, 52, 54.
- ⁹ 1 Фес. 4:16-18.
- ¹⁰ Мф. 28:20.
- ¹¹ 1 Кор. 15:55.

Глава 7

- ¹ Исх. 19:16—19.
- ² Исх. 20:18, 19.
- ³ Исх. 19:8. Втор. 5:27.
- ⁴ Числ. 16:30.
- ⁵ См.: Лев. 10:1-3.
- ⁶ 1 Цар. 2:12.
- ⁷ 3 Цар. 18:39.
- ⁸ См.: 3 Цар. 19:11, 12.
- ⁹ См.: Ис. 1:18.

Глава 8

- ¹ Откр. 14:7; Притч. 9:10.
- ² 1 Петр. 3:14, 15.
- ³ Иов. 7:14.
- ⁴ Иер. 17:17.
- ⁵ Евр. 12:29; 2 Фес. 1:8.

Глава 9

- ¹ Евр. 10:27.
- ² Откр. 19:2.
- ³ Ос. 11:8.
- ⁴ 2 Фес. 1:8.
- ⁵ См.: Рим. 6:23; 5:12; Иез. 18:20. 2 Петр. 2:12, 13.
- ⁶ См.: Иез. 33:11.
- ⁷ Мк. 9:44.
- ⁸ Мал. 4:1.
- ⁹ См.: Мф. 25:41; Откр. 20:10 и т. д.
- ¹⁰ В качестве примеров невечного «во веки веков» см. Ион. 1:17; 4 Цар. 5:27; 1 Пар. 23:13 и т. д.
- ¹¹ Иуд. 7.
- ¹² См.: Откр. 20:9.
- ¹³ 1 Тим. 6:16.
- ¹⁴ Иез. 18:20; О том, как Бог «предает нас», см. Рим. 1:23, 26, 28.
- ¹⁵ См.: Фил. 2:10, 11.
- ¹⁶ Рим. 8:1; Ин. 3:18; 5:24.

Глава 10

- ¹ 1 Ин. 4:18.
- ² См.: 1 Ин. 4:8.

- ³ 1 Ин. 4:19.
⁴ 1 Ин. 4:18.
⁵ 1 Ин. 4:18.
⁶ Евр. 2:14,15.
⁷ 1 Кор. 15:54,55.
⁸ Рим. 8:15.
⁹ См.: Пс. 22:4.
¹⁰ Пс. 90:3-6.
¹¹ Лк. 13:34.
¹² Лк. 21:26.
¹³ Ис. 25:9.
¹⁴ Ис. 12:2; Пс. 45:2—4.

Глава 11

- ¹ Иак. 2:23; см. также Ис. 41:8.
² Исх. 33:11.
³ Ин. 15:15.
⁴ Ин. 3:16; 2 Кор. 5:19.

- ⁵ Ис. 59:2; Еф. 4:18.
⁶ Кол. 1:21—23.
⁷ Рим. 5:10.
⁸ Притч. 18:24; 17:17.
⁹ Мф. 11:19.
¹⁰ Зах. 13:6.
¹¹ Ин. 21:17.
¹² Евр. 6:6.
¹³ 1 Ин. 5:3.
¹⁴ Ин. 15:14.
¹⁵ Мф. 28:20.
¹⁶ Откр. 21:3,4.
¹⁷ См.: Рим. 5:6-11.
¹⁸ Притч. 3:26; 1 Ин. 3:21; Евр. 3:6; 10:35.
¹⁹ См.: Втор. 31:6; Пс. 30:24 и т. д.
²⁰ См.: Фил. 4:7; Евр. 13:20.
²¹ Ин. 14:27.

Джонатан Галлагер

БЕЗ СТРАХА ПО ЖИЗНИ

Ответственный редактор *В. А. Кацал*
Литературный редактор *П. М. Бондарев*
Изготовление макета *Л. Беленький*
Корректоры *Г. Г. Шоломович, Н. М. Лукьянова*

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,58. Уч.-изд. л. 3,0. Тираж 40000 экз.

Издательство «Источник жизни» Евро-азиатского отделения Церкви христиан-адвентистов седьмого дня. 301000, Тульская обл., пос. Заокский, ул. Руднева, 43^а.

Типография издательства «Источник жизни».

